

НИКОЛАЙ СЛИМПЕР

ТЕНИ ГОРОДА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Annotation

В темных переулках скрываются существа, что нашли себе путь в наш мир, живой и уютный, особенно ночью. Их тело – сама тьма, их интеллект – инстинкты. Они желают лишь одного – выжить, но для этого им нужна оболочка, и единственный вариант – люди. Вот только среди людей существуют те, кто может им противостоять. Ночь – время Теней. Ночь – время Охотников. Ночь – время Войны. Вторая часть цикла «Тени города».

Тени города

Часть вторая

Николай Слимпер

Глава 1: Спасение

Джон вновь оказался привязанным к кресту. Шуд, прежде чем вернуть его обратно, не слабо приложил ногой, и более слабого удара хватило бы, чтобы отправить Джона в нокаут; он слишком ослаб, даже чтобы поднять руку. Теперь же, как ему казалось, он никогда не сможет этого сделать. В глазах потемнело, и если бы не боль и всецельная ломота, он мог бы подумать, что потерял сознание, о чем особенно мечтал последние дни.

Более-менее он пришел в себя из-за резкого шума прямо над ухом и едкой вони. Открыв глаза, ему пришлось вновь зажмуриться от яркого света, бьющего в глаза. Все три чувства подвергались пытке: Джону ли не знать.

– А, пришел в себя, – заметил Шуд, приподнимая сварочную маску. Любой другой проговорил бы это с ехидством и ухмылкой, не менее едкой, чем вонь сварки, но не Шуд. Голос ублюдка оставался бесцветен, как пожухлая трава.

– Что ты делаешь? – спросил Джон, отворачивая голову, чтобы не чувствовать запаха. Язык едва шевелился, ему так и не подали воды, а от сварки стало еще хуже.

– Твой друг сломал замки, а новые искать слишком долго, поэтому я решил просто заварить кандалы для предотвращения возможности повторения эксцесса. Хотя крайне сомневаюсь, что нечто подобное произойдет в ближайшее время.

Джон сомневался не меньше. После всего случившегося, он уже начал подумывать, не откусить ли себе язык. Долгая и болезненная смерть, но всяко лучше еще более долгой и болезненной жизни. Однако ему хотелось не просто умереть, а заставить своих врагов страдать не меньше, ну, или хоть сколько-нибудь, главное, чтобы они пожалели, пусть и всего на секунду. Осталось только продумать план собственной смерти всем назло.

– Где Машери? – спросил он.

– Мертва.

– Ублюдок!

– Не я ее убил, а твой друг. И не важно, что было, – быстро добавил Шуд, не позволяя ответить Джону, – главное, кто нанес удар. Смерть ждет всех нас.

– Твоя уже близко.

– Возможно. Но я не боюсь, а ты?

Не дожидаясь ответа, он вновь надел маску и продолжил сваривать металл. Джона едва успел отвести взгляд; еще ослепнуть не хватало.

Закрывая один глаз, ближайший к сварке, он осмотрел остальные оковы; обе на ногах, сменившие простые ремни, и на другой руке уже оказались заварены.

– Что с Майлзом? – спросил Джон, но шум сварки не позволил Шуду его услышать. Он попытался перекричать аппарат, но пересохшая глотка едва ли могла выдать что-то громче. В конце концов, Шуд, судя по всему, увидев потуги Джона, остановился и снял маску, наконец, услышав его вопрос.

– Он жив, но это ненадолго. Терпение Жнеца не безгранично, хватило бы и капли, но глупые действия Бальдера тянули на целое море. Больше не говоря ни слова, он натянул маску и продолжил работу.

Бертон чувствовал себя неуклюжей обезьяной рядом с грациозными леопардами. Даже Хелин двигалась намного проворней, хотя он знал об этом и до этого, но то постель, а тут совсем другое. Леброн, наконец, готов был признать, что потерял форму, перестав быть полицейским; снятие кошек с деревьев и слежка за неверным супругом, который не увидит преследователя, даже подойди тот вплотную, явно не пошло на пользу. Нет, он знал, что все еще на что-то способен, но на фоне Охотников выглядел совершенным растяпой.

Вход в подземную часть комплекса нашли не сложно, учитывая, рядом человек, чувствующий опасность. Бертону только не особо радовало, что они к этой опасности с каждым шагом все ближе. А еще он не очень понимал, как на столь крошечном острове может вообще находиться подземелье?

– Этот остров несколько лет назад выкупила частная компания, – пояснил Бобби, когда Бертон все же решился задать вопрос вслух. – Если быть точным – через год после катастрофы. Образовавшейся волной смыло все постройки, а южную часть острова так вовсе уничтожило больше чем наполовину. Власти решили, что его проще продать, чем отстраивать все заново, тем более что все исторически ценное оказалось потеряно. Зато остров Свободы подлатали будь здоров, денег вбухали больше, чем на строительство самой свободы.

На этом лекция закончилась, так как они начали спускаться по длинной крутой лестнице вниз. У Бертона, однако же, еще оставалось много вопросов, но он решил задать их позже, в более подходящей обстановке, если, конечно, останется в живых.

В самом конце лестницы оказалась железная дверь. При открытии она могла громко скрипнуть, а прямо за ней могли оказаться враги, поэтому действовать нужно было осторожно. Грасс вопросительно взглянул на Хелин, но та в ответ лишь пожала плечами: «Опасность повсюду».

Как и с первой дверью, Охотник попытался аккуратно приоткрыть ее на толщину пальцев, чтобы затем так же резко дернуть и ворваться внутрь. Дверь никак не поддавалась, и тогда Грасс ухватился за край уже обеими руками, но и тут ничего не произошло.

– Закрыто, – констатировал он. Выглядело все это нелепо: целая толпа профессиональных убийц (плюс бывший полицейский и куртизанка) остановлена одной единственной дверью. – Что делать будем?

– Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, – шепотом проговорил Бертон, отчего все взоры устремились на него. – Евангелие от Матфея, – пояснил он. – Что? Я учился в приходской школе.

Грасс оглядел всех присутствующих, и взор его остановился на Бобби. Тот лишь пожал плечами, мол, а есть другие предложения?

Не видя иного выбора, Охотник просто взял и постучал кулаком в железную дверь. В ответ лишь тишина. Он постучал снова. За дверью послышались неспешные шаги.

– Кто? – спросил низкий голос.

– Свои, – ответил Грасс.

– Свои все здесь.

– Ну, значит, чужие.

Уловив взгляды остальных, Грасс лишь развел руками; он явно не являлся мастером импровизации. Все уже были готовы к любым неожиданностям, вроде сигнала тревоги или полчища Теней, лезущих из всех щелей, но вместо этого вдруг послышался звук, напоминающий усмешку, и открывающиеся затворы. Последний затвор едва успел выйти из паза, как Грасс с силой распахнул дверь и с размаху обрушил нож на голову привратнику.

Зрелище не из приятных. Первых жертв Бертон не видел, потому что остался снаружи, а когда вошел, остальные Охотники уже убрали трупы подальше с глаз. Теперь же человека убили прямо перед ним, и не просто убили, а вонзили, воткнули длинный нож почти по самую рукоять в голову. Трудно представить, какой следует обладать силой, чтобы проделать такое. Так работали Охотники, так работала организация «Тенелов», и с каждой минутой Бертон все больше становился уверенным, что это не его.

На этот раз дверь почему-то никто не придержал, и она с гулким грохотом ударилась о каменную стену. Последствия не заставили себя ждать. Из-за первого же угла выскочил какой-то парень лет, наверное, двадцати, черные волосы взлохмачены, на лице какая-то смесь злобы и страха одновременно. Заметив всю честную компанию, он только сделал шаг, чтобы скрыться в коридоре справа, из которого и выбежал, как Грасс резко выкинул руку вперед, и кукри, кружась в воздухе, вонзился парню в грудь. Тот от неожиданности вскрикнул, потянулся было к ножу, но рухнул навзничь.

Грасс подбежал к нему и бесцеремонно выдернул оружие. Тут он вдруг резко выпрямился и закрылся руками, в следующую секунду из того же коридора выпрыгнул второй человек, с силой врезавшись в Охотника, но не успел он хоть что-то еще предпринять, как остальные Тенеловы буквально утыкали его мечами. Грассу помогли подняться с земли, хотя выглядел он в порядке.

– Чертовы одержимые, – чертыхнулся он.

– Здесь настоящий лабиринт, – заметил Бобби, словно Бертон об это не предупреждал. – Куда дальше? – спросил он у Хелин.

– Не знаю. Здесь во всех направлениях чувствуется опасность.

– Два проводника, и оба ни черта не знают, куда идти, – пробубнил Попай. Он носил белую хоккейную маску старого образца, оставляющую открытыми лишь глаза и рот, а прозвище такое получил за то, что его оружием являлся короткий гарпун с удобной рукоятью на конце, к которой была привязана тонкая, но прочная веревка, нынче обвязанная вокруг предплечья и закрепленная другим концом на рукаве; обычно Попай использовал гарпун в ближнем бою, но в случае чего мог швырнуть его на три метра – такова длина веревки. Сам Бертон никакого сходства с мультипликационным персонажем не видел, кроме того, что гарпун обычно является атрибутом рыбаков на крупную морскую живность.

– Не горячись, Попай, – попытался успокоить его Бобби. – Без них мы бы вообще это место не нашли. Попай что-то буркнул в ответ и продолжил вглядываться в коридоры, держа гарпун наготове. И не зря.

Не прошло и минуты, как из коридоров с двух сторон повалили Тени. Хелин с Бертоном встали в середине, а Охотники, окружив их, не позволяли Теням подобраться ближе. Мелькали мечи и ножи, гарпун Полая и кукри Грассхопера, у еще одного охотника оказался топор, с какими в фильмах показывают викингов. У самого Бертона был лишь нож и пистолет, который он решил приберечь на потом, Хелин тоже кто-то одолжил один из армейских ножей, и она, судя по всему, умела с ним обращаться.

Теней оказалось много, почти столько же, сколько Леброн видел в катакомбах. Одной из Теней удалось проскользнуть сквозь кордон и напасть на частного детектива. Вспомнив прошлый опыт, он испугался и инстинктивно закрылся руками. Тень врезалась в него и сбила с ног; он упал на что-то мягкое. Бертон, закричав, махнул рукой с ножом, но тварь успела отскочить, и как только у Леброна открылась грудь, она вновь прыгнула на жертву.

Бертон понял, что едва ли успеет воспользоваться ножом, который в его неумелых руках

оказался просто бесполезной железкой, прежде чем Тень разорвет его грудь своими острыми, как бритва, когтями, но тут вдруг мелькнула желтоватая сталь и вонзилась ночному чудищу прямо в голову. Тварь коротко взвизгнула, рухнула на землю и медленно растаяла черной дымкой.

– Спасибо, – выдавил из себя Бертон.

– Не зевай, – бросила ему Хелин, держа нож наготове и ожидая очередного нападения.

Бертон медленно поднялся на ноги и тоже решил быть повнимательней; Охотники, конечно, профессионалы, но не всеильны, и даже развешанное по всему телу золото с серебром не смогут уберечь от когтей и зубов. Только сейчас он заметил, что упал на труп одержимого, того, что сбил с ног Грасса. Частный детектив оглядел себя и чертыхнулся – вся куртка и штаны измазаны кровью. Единственный плюс – она была чужая.

Леброн не знал, сколько точно прошло времени, но Охотники, казалось, даже не запыхались, уничтожив последнего противника. Теперь на земле валялось всего шесть тел, считая и первых двух одержимых. Несколько Охотников оказалось поцарапано, но не сильно.

– Здесь слишком узко, – пробормотал Бобби. – Будь мы в месте попросторней, эти Тени нас даже не задели бы.

– А мне нормально, – пожал плечами Грасс, пряча короткие кукри.

– Вот и радуйся, – произнес Бобби, убирая свой длинный меч в ножны на поясе.

Дальше пробирались медленно. Бертон и Хелин взяли в кольцо ради защиты, что многим было не очень-то по душе: самим бы как защититься, а тут еще дилетантов на шею посадили. С Тенями и одержимыми ими людьми встречались еще не раз, но все обходилось лишь царапинами да ушибами.

Потолок был низкий, чуть выше двух метров, что всего в два раза меньше ширины коридоров, хотя попадались и еще менее широкие. Бертон лишь радовался источнику света, состоящему из мелких и тусклых светильников, украшающих потолок каждые метров пять. Какой-никакой, а свет.

Прошло примерно полчаса со спуска в лабиринт, когда они, наконец, наткнулись на нужную им деревянную дверь, обитую железом, такую же, как и десятки дверей до этого, за каждой из которых находилась обычно небольшая комнатка, иногда набитая Тенями и одержимыми. Ни одного Охотника, преданного Жнецу, так и не было встречено, из-за чего остальные начинали нервничать.

Помещение за дверью разительно отличалось от прочих. Множество железок и деревяшек всевозможных форм, и все предназначены для одной цели. А еще запах гари, едва не разъедающий глаза. Но самое главное – крест. Икс-образный, он находился посреди комнаты, и на его фоне с трудом угадывался силуэт висящего на нем человека.

– О боже, Джон! – воскликнул Бобби и подбежал к нему, тут же пытаясь нащупать пульс, и, судя по всему, нащупав, с облегчением вздохнул.

Бертон едва узнавал в этом побитом человеке того самого Джона, сражающегося на мечах на темной улице. Он помнил его крепкое телосложение, выделяющееся даже под одеждой, и хмурое решительное лицо, сейчас же перед ним предстал лишь безжизненный каркас бывшего человека. Он был тощ и изнеможен, все тело, казалось, изрезали мелкие осколки, и раны все еще не успели затянуться, да и затянутся ли? Волосы отрасли, скрывая осунувшееся лицо с впалыми щеками и глазами.

Бобби схватил обтянутый череп Джона и поднял голову, одновременно стараясь убраться

с лица волосы. Оно было все в синяках и крови, нос, судя по всему, не так давно кровоточил.

– Джонни, ты меня слышишь?

– Кажется, – прокряхтел в ответ Джон, – я заснул... и вижу сон впервые... за последние десять лет.

– Это не сон, сынок, мы пришли тебя спасти.

– Не сон? – переспросил он. – Даже не знаю... радоваться мне... или нет.

Бобби усмехнулся, но тут же посерьезнел.

– Чего вы стоите, остолопы? – прикрикнул он на остальных Охотников, не оставшихся на страже за дверью. – Снимите его уже.

Первым опомнился Грасс и осмотрел крест.

– Оковы припаяны, причем совсем недавно, – сказал он. – Их так просто не открыть.

Бобби досадливо поджал губы и огляделся вокруг. Казалось бы, в подобном месте должно найтись все, что угодно, но абсолютно все вещи были бесполезны, даже кусачки с длинными рукоятями.

– Не на кресте же нам его тащить? – развел руками Бобби и вновь пригляделся к орудию. – А ну-ка, ребятки, встаньте здесь, – он указал на место возле креста, а сам зашел за спину, разглядывая механизм, после чего двумя-тремя движениями перевернул крест почти на самый бок и вынул меч.

Никто сразу и не понял, что он собирается делать, пока клинок не поднялся к самому потолку.

– Не надо! – выдавил из себя Джон, с трудом поворачивая голову, сиюсь рассмотреть Бобби.

– Не дергайся, – ответил тот. Он глубоко вдохнул горький воздух и закашлялся, что лишь усилило тревоги Джона.

Клинок обрушился с молниеносной быстротой, не ожидаемой от человека возраста Бобби. Острие прошло сквозь дерево не как сквозь масло, но как сквозь сыр точно. Верхняя часть деревяшки с оковами отвалилась, и рука Джон безвольно повисла над землей, касаясь пола лишь отделенным концом креста.

– Недаром я каждый день меч натачивал.

Бобби стал переворачивать крест на другой бок, и тело Джона оторвалось от дерева.

– Держите, говорю! – крикнул он, хотя и с опозданием, так как его уже подхватывало несколько пар рук.

Бобби проделал те же манипуляции со второй рукой, но не так успешно. Хлынула кровь, окропляя пыточный механизм знакомой алой жидкостью.

– Ничего серьезного, – подытожил Бобби, осмотрев пораненную руку Джона. – Эх, возраст берет свое.

С ногами пришлось несколько повозиться, так как меч несколько затупился, а сам Бобби обливался потом; для умелого и точного удара необходимо было иметь сверхчеловеческую концентрацию и точность, а это затрачивало как физическую силу, так и психическую.

Джона положили на пол, предварительно подстелив несколько плащей и курток. Теперь стало намного удобней, и Викинг топором отсек лишние бруски, оставшиеся от креста, к которым крепились оковы. Топор не был предназначен для рубки дров, лишь для рубки врагов, как сказал сам Викинг, но не жалел затупленного в хлам оружия: «Друзья-Охотники куда важнее каких-то там железяк».

Лишенный привычного оружия, Викинг решил, что от него будет больше пользы, если

он сам понесет Джона на загривке. Теперь тех, кого следовало защищать, стало трое, если считать только стоящих на земле. Но если Хелин и Бертон чем-то и могли помочь, Викинг с Джоном на плечах вряд ли мог участвовать в сражении, хотя и уверял, что освобожденный из оков, пусть и фигурально, так как на нем все еще висели кандалы, весит не больше пушинки.

Они не далеко успели пройти назад, когда вновь натолкнулись на скопище Теней. Действовали они, казалось, еще более ожесточенно и рьяно, за что и платились существованием, но и Охотникам было не так легко, как в начале. Они начали выдыхаться, все раны, полученные на пути, давали о себе знать.

Первая стычка закончилась серьезными ранениями двух Охотников. Раны были не смертельными, но нормально держать в руках холодное оружие они более не могли из-за пораненных и окровавленных рук. Складывалось такое ощущение, словно Тени специально атакуют слабозащищенные конечности. Взамен раненым Охотникам дали автоматы, которые они с трудом, но могли удержать. Больше таиться не имело смысла, все Тени и одержимые лабиринта, наверняка, уже прослышали про чужаков, а потому рисковать сражаться лишь в ближнем бою стало бессмысленно. Началась стрельба.

Ультрафиолетовых фонарей было всего два, один отдали Бертону, а второй Викингу, будто нарочно выбрав двух в данный момент самых бесполезных членов отряда. Обижаться на правду бессмысленно, но частному детективу все же стало несколько досадно. «Не я ли убил двух здоровых одержимых, когда еще даже не знал о том, кто они такие?» Но он тут же себя одернул: тогда те двое даже не воспринимали его всерьез, да и убил он лишь одного, второй, очевидно, выжил.

Вторая группа Теней оказалась не менее ожесточенной, но с ней разобрались быстрее. Автоматы и фонари делали свое дело. Тех Теней, что все же проскальзывали сквозь шквал огня, добивали уже холодным оружием.

Все шло более-менее, пока они не завернули за очередной угол.

Бертон вначале даже и не понял, кто и по кому стреляет, пока стена над его головой не посыпалась каменной крошкой. Все тут же бегом и падая спрятались за угол, из-за которого только что выбежали.

– Куда это вы собрались? – послышался голос, у которого, казалось, даже интонация отсутствовала.

– До выхода хотелось бы, – ответил Бобби.

– Это Шуд, – проговорил Джон, сжимая челюсти. – Он убил Машери.

– Машери?! – ахнул Бобби. – Она была здесь?

– Майлз – Тор – пытался нас вывести отсюда, но на пути встал Шуд, он убил Машери и вырубил Тора, я не знаю, где он сейчас.

Бобби нахмурился, поджав губы, казалось, что он вот-вот расплачется. Бертон догадался, что эта Машери была ему чем-то очень дорога. Не дочь ли?

– Чего вы там шепчетесь? – вновь послышался сухой голос. – Как насчет сделки? Вы становитесь под стяг Жнеца, а мы прощаем вам ваши грехи.

– Черта с два, ублюдок! – рявкнул Бобби.

– Это выгодное предложение. Неужели все вы готовы умереть за свои идеалы, точнее, за идеалы организации?

– А вы?

– Да, – тут же послышался спокойный ответ. – Мы готовы умереть во имя высшего блага,

но, как и все люди, не стремимся к этому. Наверняка среди вас найдутся те, кому по душе наши идеалы и кто желает прожить как можно дольше.

– У нас тот же вопрос к вашим людям.

Бобби, стоящий ближе всех к углу, оглянулся. В глазах каждого читалась решимость, никто не собирался сдаваться. Если суждено умереть, нет чести больше, чем погибнуть за то, во что веришь, с оружием в руках и огнем в сердце.

Бобби одобрительно кивнул, хотя и без того знал, что никто даже и не задумается перейти на сторону врага, и уже оборачивался назад, чтобы высказать ублодку все, что думает о его предложении, но тут вдруг заметил движение и резко дернул головой.

Бертон, подняв руки, осторожно выглянул за угол и вышел вперед, нервно сглотнув. Один из Охотников поднял автомат, чтобы его пристрелить, но Бобби перехватил его и опустил ствол:

– Он сделал свой выбор.

– З-здрасьте, – начал Бертон, едва шевеля пересохшим от волнения языком; он боялся, а ноги его едва держали вес тела. – Меня зовут Бертон. Леброн Бертон. Я простой частный детектив, не Охотник. Я тут вообще оказался случайно. Все эти Тени, Охотники, убийства, – все это не по мне.

– И чего же ты хочешь, Леброн Бертон, простой частный детектив?

– Я просто хочу домой, а меня не отпускают. Сначала меня поместили в психушку, но я сбежал, а затем в меня вселилась эта чертова Тень, и я едва не умер. Меня дома кошка ждет, если она еще не сдохла от голода. Если я вернусь в эту организацию, меня снова запрут в лечебнице, а то и похуже чего. И я подумал: может, вы мне поможете? Если вы просто меня отпустите, я никому ничего не скажу, клянусь! Я просто хочу, чтобы все это прекратилось.

Шуд посмотрел сначала налево, где стояло несколько человек, потом направо, словно ища совета, как ему поступить, но ответ были лишь пожимания плечами.

– Что ж, – наконец проговорил он, – я не вижу смысла в твоей смерти. Брось пистолет и иди к нам, а там поговорим.

– Пистолет? – переспросил Бертон. – А! – спохватился он, потянувшись к заткнутому за пояс оружию. – Я и забыл совсем.

Дальше все произошло очень быстро и внезапно для обеих сторон, и спасло Бертон от выстрела в спину того самого Охотника, которого вначале остановил Бобби.

Бертон выхватил пистолет, делая вид, что собирается его выбросить, но вместо этого направил его на Охотников во главе с Шудом и нажал на спусковой крючок. За мгновение до этого он начал двигаться вправо, и, сделав, пару шагов и в два раза больше выстрелов, он прыгнул за другой угол. Автоматные очереди разрывали каменные стены в пыль, периодически высекая искру, попадая по заложенным в кладке камням. Шум поднялся невероятный и лишь секунд через десять Шуду, наконец, удалось докричаться до своих людей.

– Не стрелять, я сказал! – рявкнул он почти без эмоций, но достаточно громко. Спустя пару мгновений выстрелы превратились, и теперь весь коридор перед ними застилала каменная пыль, кружась в звенящей тишине.

– Ну, ты, парень, даешь, – покачал головой Бобби. – Мы ведь и сами могли тебя пристрелить.

– Все должно было выглядеть достоверно, – ответил Бертон, поднимаясь с земли. – Нужно было рискнуть.

Сердце Бертон колотилось как бешеное, ноги не держали, и он сел на пол, прижавшись спиной к стене и учащенно дыша ртом, глотая пыль. Закашлялся.

– Их там семеро, – снова заговорил он. – Ну, то есть уже четверо. В главного я не попал, – удивленно проговорил он. Первым он стремился застрелить именно Шуда, а дальше как получится, но первая пуля лишь скользнула по его плечу, раздирая рукав, зато все остальные угодили точно в цель.

Бертон хотел доказать всем свою полезность, но даже в лучшем из того, что умел – метко стрелять, – он облажался.

– Ты молодец, – одобрительно сказал Бобби, – только в следующий раз предупреждай.

– Это было... интересно, – послышался голос Шуда. – Мало кто может похвастаться подобной меткостью. Значит, ты сделал свой выбор.

– Сделал, – подтвердил Бертон.

– А ведь я в самом деле думал тебя отпустить. Сначала узнать все, что ты знаешь об организации, а затем отпустить на все четыре стороны.

– Теперь я вряд ли узнаю, лжешь ты или говоришь правду.

– Теперь – вряд ли.

Бертон взглянул на дверь в противоположенной от него стене чуть дальше от поворота. Она чем-то едва уловимым отличалась от остальных, что им встречались на пути. Как будто слегка сияла, отражая свет светильников. Бертон медленно поднялся и направился к ней, держа пистолет наготове.

– Эй, ты чего удумал? – окликнул его Бобби.

– Хочу посмотреть, что там.

– А если там Тени?

– Надеюсь, вы меня прикроете, – пожал он плечами. Тени так и так скоро на них нападут, натравленные этим Шудом или Жнецом.

Бертон подошел и дернул за массивную ручку; дверь оказалась заперта. Он наставил пистолет чуть выше, где находилась замочная скважина, и чуть правее. Прозвучал выстрел, в тишине ударив по ушам.

– Он там застрелился что ли? – послышался голос Шуда.

– Не дожدهшься, – ответил Бертон.

– Тогда что... – Он умолк. – Не открывай эту дверь, а иначе пожалеешь.

У Леброна и так уже было полно сожалений, парочка новых ничего не изменит. Он ухватился за ручку и потянул на себя, дверь подалась, от замка что-то звонко отвалилось.

Шуд, похоже, тоже это услышал.

– Вперед! – крикнул он. Вновь начали стрелять, но Бобби с остальными, как и просил Бертон, прикрыли его, открыв ответный огонь, высунув автоматы из-за угла. Послышался мат, и через секунду выстрелы с той стороны прекратились; сторонники Жнеца, вероятно, тоже скрылись за углом.

Открыв дверь, Бертон невольно прищурил глаза. Внутри все сияло белизной, словно снег зимой, что резко контрастировало с внешним антуражем.

Это оказалось больничное отделение или нечто, очень его напоминающее. Белые стены и потолок, святающиеся мягким светом, пол, покрытый белыми с синим плитками. Все больничные койки пустовали, и лишь на одной Бертон заметил лежащего человека.

Подойдя ближе, он ахнул. Это оказался тот самый здоровяк, чей труп валялся на улице, и с которого началось это злосчастное расследование частного детектива, о котором он

не переставал жалеть. Бертон даже решил, что перед ним мертвец, но присмотревшись, увидел то поднимающуюся, то опускающуюся могучую грудь.

– Так это он Майлз? – догадался Леброн.

На правом виске здоровяка красовался не маленький такой синяк, из-за которого, судя по всему, он здесь и оказался. Бертон заметил, что руки Майлза прикованы к бортикам кровати наручниками. От капельницы к руке шла тонкая прозрачная трубка с такой же бесцветной жидкостью. Бертон и сам не так давно провел в больнице некоторое время, а потому узнал по надписям на пакетице с раствором знакомое название обезболивающего, от которого безудержно хочется спать.

Недолго думая, он, передвинув специальное колесико, перекрыл поток лекарства. Порыскав в ближайших шкафах, отыскал нужную баночку, нашел шприц, в который вобрал вещество, а затем впрыснул в специальный участок на трубке. Жидкость начала медленно поступать в организм.

Не прошло и минуты, как здоровяк подал признаки сознания.

– Где я? – спросил он.

– Думаю, это что-то вроде лазарета.

– Ты кто? – повернул он голову к Бертому, и тот понял, что Тор только сейчас его заметил, а вопрос был задан в пустоту.

– Я... Я Леброн Бертон. Вы меня не помните... Да и не должны. В общем, я с группой Охотников, мы пришли спасать Джона. Синигами, – зачем-то добавил он.

– Джон? Он все еще жив? Черт, я пытался... – Он замолчал.

Бертон, не дождавшись окончания затянувшейся паузы, продолжил:

– Мы пытаемся его спасти, но у нас на пути встал этот Шуд.

– Шуд?! – взревел Майлз, рывком попытавшись сесть, но наручники на запястье крепко приковывали его к постели, зато спала накрывающее его тонкое одеяло, оголив мощный волосатый торс, на котором то там, то тут красовались ватно-марлевые заплатки, пропитанные кровью. – Он убил... Я убил. – Вдруг здоровяк заплакал, отворачивая лицо. Бертон растерялся.

Он уже было решил вернуться назад и рассказать о находке остальным, но Майлз пришел в себя быстрее, чем думал Бертон.

– Эй, как там тебя?

– Бертон.

– Высвободи меня. Я не уберег Хелин, но сделаю все возможное, чтобы помочь Джону и загладить свою вину, даже если это невозможно.

Бертон вновь начал шарить по тумбочкам и столам, но ключа так и не нашел, тогда он посмотрел на нож у себя в руке. Его острие было слегка вздернуто и выглядело достаточно тонким, чтобы пролезть в замочную скважину наручников.

Через минуту он понял, что ничего не выйдет.

– У тебя же пистолет, – заметил Майлз, – отстрели их нахрен.

Цепь наручников на левой руке разлетелась, и Майлз оказался наполовину свободен. Приставив дуло ко вторым наручникам, Бертон спустил курок и... ничего не произошло. Он вынул магазин.

– Патроны кончились.

– А-а, черт! – заревел Майлз и перекатился через борт, резко дернув рукой. Забытая игла от капельницы вылетела из вены, забрызгав Бертона прозрачным веществом. Майлз,

не обращая внимания на льющуюся по предплечью кровь, поднялся, пошатываясь, и вновь с силой дернул рукой, раздирая запястье. Поудобней перехватив цепь наручников, он с силой ударил ногой по крепкому пластиковому бортику, но не удержал равновесия и упал: судя по всему, сказывалось обезболивающее, до сих пор туманящее сознание.

Бертон догадался, что намеревается сделать Майлз, забрался на кровать и так же с силой обрушил ногу в крепких ботинках на бортик рядом с наручниками. Пластик оказался довольно прочным, словно его намеренно создали антиударным. Бертон вновь занес ногу для удара, но тут краем глаза заметил какое-то движение. Подняв взгляд, он увидел человека, выходящего из-за двери. Это оказался Блэйк Андерсон.

– Ты! – взревел Бертон, направил на него пистолет и нажал на курок, забыв, что у него кончились патроны. Про патроны не знал и одержимый, бросившись в сторону, падая между больничными койками. Леброн сначала даже удивился, потом вспомнил, что останься у него еще пули, они были бы амбисидиановыми.

Бросив на кровать бесполезное оружие, он достал нож. Владел он им очень плохо, можно сказать, не владел вообще, но выбора не было. Майлз прикован, а Блэйк точно не отступится. Драка на смерть неизбежна.

Бертон хотел накинуться на убийцу Люпина, пока тот еще в замешательстве, но тот уже понял, что что-то не так, и поднялся на ноги, заметив несущегося на него частного детектива, неумело сжимающего в руке нож.

Леброн ударил оружием сверху вниз, но Блэйк увернулся так легко, словно от полудохлого шмеля. Следующим движением Андерсон толкнул Бертоня обеими руками, и тот отлетел, врезавшись в одну из коек и перелетев ее спиной вперед, едва не выронив нож.

– Я смотрю, рука вас больше не беспокоит, мистер Бертон – заметил Блэйк. – Вы быстро восстанавливаетесь, словно одаренный, хотя это и невозможно.

– Одаренный? – переспросил он, вылезая из-за кровати.

– Вы называете нас одержимыми.

– А, я и забыл, что внутри тебя... Что ты и есть Тень.

– Это лестно. Мы и стремимся, чтобы нас невозможно было отличить от обычных людей. Пока.

Несмотря на это, все же что-то в нем было не так. Есть много людей, которые словно не от мира сего, отличающиеся чем-то неуловимым, но все же отличающиеся. Стоя на кассе в магазине не обратишь на него внимания, но стоит только взглянуть ему в глаза, как ощущаешь какую-то неловкость, словно он видит в тебе нечто большее, чем ты в нем.

– К чему вы стремитесь, чего хотите? – спросил Бертон, стремясь растянуть время, чтобы что-нибудь придумать. Майлз все еще возился с наручниками, то и дело дергая руку, но понимая, что это вряд ли к чему-то приведет. На Блэйка он смотрел с не меньшей неприязнью, чем сам Бертон.

– Мы хотим одного – жить.

– Но при этом отнимаете жизнь у других.

– Сильные выживают, слабые погибают или становятся рабами.

Он медленно подходил все ближе, а Бертон отходил, держа перед собой нож. Сзади была лишь стена и выход в лабиринт. Если одержимый последует за ним, Охотники тут же его пристрелят.

Он уткнулся в стену, нащупывая рукой дверь. Но тут Блэйк резко рванул к нему. Майлз, сидевший до этого тихо, стараясь даже едва дышать, вдруг заревел и с силой дернул койку.

Бертон подумал, что он вновь пытается оторвать бортик, но вместо этого койка сама сорвалась с места. Андерсон, не ожидая такого поворота, влетел в нее и перекувыркнулся.

Леброн тут же развернулся, чтобы выбежать за дверь, но Блэйк настиг его раньше, он схватил детектива за шею и отбросил назад, на ту же самую койку. Бертон вновь перелетел через нее, чуть не разбив затылок, и выронил нож, который отлетел под кровать.

Выругавшись, он пополз за ним, но одержимый схватил его за ноги и потянул назад. Но тут он почувствовал удар. Оказалось, Майлз вновь использовал свою ношу как оружие, врезавшись на ней в спину Блэйка. Его толкнуло вперед, он не удержался и упал, Бертон попытался встать, но ударился головой о проезжающую над ним кровать.

– Хватай нож! – крикнул ему здоровяк, разгоняясь на свое койке. Он хотел влететь в Блэйка на всей скорости, но не тут-то было. Одержимые очень сильны. Он просто выставил руку, которая даже не согнулась, когда койка влетела в нее, и лишь из-за скользкого плиточного пола больничная кровать не остановилась сразу, а проехала еще пару метров, таща перед собой сидящего на коленях одержимого. Майлз и сам упал на колени.

– Как же ты меня достал, – процедил сквозь зубы Андерсон, поднимаясь на ноги и нависая над Охотником. – В наказание за упущенного Бертона, Жнец приказал мне смотреть за тобой, чтобы ты не наделал глупостей. Снова. Но, думаю, он не сильно расстроится, если я убью тебя прямо сейчас.

В этот момент Бертон уже добрался до ножа. Биться один на один с одержимым просто самоубийство, а здоровяку не особо удобно с одной-то рукой. Всего у частного детектива было два ножа, и он решил рискнуть воспользоваться одним как метательным. Потеряет не страшно, а если попадет, будет, чем похвастаться.

Вспоминая просмотренные когда-то фильмы, он схватил нож за острие, выскочил из-за импровизированного укрытия и бросил его, целясь в голову. Чуда не произошло, что не удивительно. Блэйк совершенно без труда поймал клинок в воздухе за лезвие, едва на него взглянув.

– И что это было, мистер Бертон? Отчаяние?

– Попробовать стоило, – пожал он плечами.

Он достал второй нож, просто, чтобы быть более уверенным, хотя это помогало мало. Он не знал, что делать дальше, зато сам Майлз не растерялся.

Как сидел, он вдруг резко выхватил нож из руки Блэйка, разрезая ему ладонь, и с силой всадил куда-то в живот. Одержимый скривился, однако не издал и звука, лишь ухватил здоровяка за держащую нож левую руку мертвой хваткой.

– А вот это ты зря, – медленно проговорил он.

Бертон, сам от себя не ожидая такой прыти, как только Майлз ударил Андерсона ножом, вскочил на ближайшую к нему кровать, перепрыгнул на вторую, и когда Блэйк договорил свою фразу, отпрыгнул от третьей, наваливаясь на противника сверху. Колесики третьей койки, судя по всему, не стояли на тормозе, и когда Леброн прыгнул, опора ушла у него из-под ног. Он надеялся запрыгнуть на спину Блэйка, если удастся, ударить его при этом ножом, но из-за незакрепленных колес, просто сбил с ног, вновь выронив нож.

Он, не медля ни секунды, подтянулся и со всей оставшейся силой ударил противника кулаком по лицу, но это что слону дробина. Блэйк попытался спихнуть его с себя таким же ударом в лицо, но промахнулся и попал по лбу, но и этого оказалось достаточно. Бертон попятился назад, хватаясь за ноги Андерсона, боясь, что тот начнет пинаться, а затем и встанет, и тогда точно конец. И тут он заметил рукоять ножа, все еще торчащего из живота

одержимого.

Если он и причинял ему неудобства, то, видимо, не такое сильное, как сам Бертон, держащийся за его ноги, как за последнюю надежду. Детектив все же рискнул, выпустив одну руку, чуть не схлопотав по лбу вновь, но на сей раз коленом. Он схватил нож и выдернул его из тела, а затем вонзил вновь куда-то под ребра. На этот раз противник вскрикнул и зарычал.

Бертон, отталкиваясь ногами от скользкого пола, полз вверх по неистово брыкающемуся телу, нанося неглубокие из-за неудобного положения удары ножом все выше и выше, словно скалолаз, забираясь на такую близкую и такую далекую вершину. Руки Блэйка, которыми тот пытался защититься, были напрочь изрезаны. Он ругался, плевался кровью, даже угрожал, несколько раз засветил Бертому кулаком, но тот не собирался сдаваться.

Наконец, Блэйк прекратил изворачиваться, словно угорь, но все еще и не думал умирать. Леброн перевернул его на спину, сел сверху и занес нож, держа его двумя руками.

– Это! Тебе! За! Люпина! Мразь! – выкрикивал он с каждым ударом, вбивая нож в грудь по самую рукоять.

Наконец, силы и гнев покинули его. Он сполз с тела, оставив в нем торчащий нож, и сел – рухнул, – прислонившись спиной к одной из коек.

Мсть свершилась. Но принесло ли это успокоение? Не особо. Люпин все равно мертв, а Тени на это плевать, они не умеют раскаиваться или сожалеть, а все их эмоции заимствованы из сознания человека, в которого они вселились. Хотела ли эта Тень действительно жить, как говорила, или это просто отголоски человеческих желаний? Так или иначе, теперь это было не важно, они оба мертвы.

– Ты хорошо справился, – сказал Майлз. Бертон решил, что слова будут лишними. – Но это еще не конец. Помоги мне сломать эту чертову хрень.

Глубоко вздохнув, Леброн с трудом поднялся на ноги, не забыв при этом пнуть по ребрам одержимого, и забрался на койку, к которой был прикован здоровяк. Чтобы сломать бортик, понадобилось всего три сильных удара ногой, и то, он лишь треснул, но и этого хватило Майлзу, чтобы высвободиться и встать.

В первый раз Бертон увидел этого человека во весь рост. Он был по-настоящему большим: под два метра, мышцы на руках бугрятся валунами, пресс без кубиков, какие бывают у культуристов, это был просто настоящий здоровяк, которому лучше не переходить дорогу. И все же именно он, а не Шуд, был привязан к постели без сознания с множеством ранений по всему телу. Бертон видел этого Шуда, и не мог себе представить, как тот смог победить.

– Где они? – спросил Майлз.

– Там, – Бертон указал на дверь, хотел было пояснить, где именно, но тут вновь послышались автоматные выстрелы.

– Черт! У меня все оружие забрали. – Он оглянулся в поисках подходящего оружия. – Нож.

Он подошел и без церемоний вынул холодное оружие из груди Блэйка. В его руках он больше походил на зубочистку, о чем, вероятно, подумал и сам здоровяк, поморщившись, рассматривая короткий клинок в руках. Бертон в это время нашел второй, который выпал у него из рук, и вернул в ножны. Вздохнув, бугай направился к двери, но тут его понесло, и он упал на одно колено, охнув.

– Обезболивающее в крови все еще не выветрилось, – пояснил Бертон.

– Так вот почему у меня почти ничего не болит. Это даже хорошо. – Встряхнув головой

с короткими волосами, какие когда-то были и у Джона, он поднялся и открыл дверь.

Редкие выстрелы то и дело мололи камень. Бертон выбежал вслед за Майлзом, не забыв на всякий случай прихватить пустой пистолет, и увидел, как стена слева, как раз напротив поворота в коридор, просто изодрана автоматными очередями, в свете редких светильников плясала пыль.

Бобби и остальные Охотники отстреливались от Теней, лезущих к ним небольшими группами, когда как Шуд и остальные тоже периодически стреляли из-за угла, не позволяя противникам высунуться.

Майлз подбежал к углу и замер. Его, естественно, заметили.

– Майлз, ублюдок! – взревел один из Охотников и наставил на него автомат. Бобби едва успел схватиться за ствол, и пули бороздой прошли по полу.

– Побереги патроны, черт тебя дери! – выругался Бобби, прижимая отбитую руку к груди. Стрелок тут же потупился, но продолжал зыркать на Майлза, а заодно и на Бертона, недобрый взглядом.

Сам Майлз, казалось, почти никак на произошедшее не отреагировал.

– Я был неправ, – крикнул Майлз через коридор. – Я считал, что поступаю верно. Жнец... Его идеи не лишены смысла, но я не смог ради них убить своих друзей. Я хотел спасти... Хелин. – У него вновь по щеке скатилась скупая слеза, утонув в зарослях бороды.

– Чего уж теперь жалеть? – откликнулся Бобби. – Сделанного не воротишь.

– Нет, – согласился Майлз, всхлипнув. Он посмотрел на Джона: – Простишь ли ты меня, Джон?

Синигами, нынче и правда походивший на костлявую смерть, взглянул в глаза старого... друга, приятеля, коллеги? Какая разница во всех этих словах, если ни одно из них не подходит? Он не знал, что ответить. Насколько он знал, Майлз не убил ни одного Охотника или обычного человека, но чтобы причинить боль и страдания, не обязательно мучить плоть.

– Я не знаю, – честно ответил он. Майлз понимающе кивнул в ответ.

Он взглянул на нож у себя в руках.

– Эй, у вас лишнего ножика не найдется?

Кто-то без слов бросил ему нож, это оказался Бобби. Майлз быстрым движением перехватил его в воздухе за рукоять. Несколько раз глубоко вздохнул.

– Я знаю, вы мне не доверяете, но моего доверия хватит на вас всех.

С этими словами он закричал, перекрикивая выстрелы и писк Теней, и бросился в коридор со всех ног, на ходу рубя находящиеся там Теней. Остальные Охотники, вдохновленные его порывом, с криком выбежали из-за угла и открыли огонь по ночным монстрам, заодно не позволяя компании Шуда вылезти из укрытия. Два мощных фонаря осветили коридор, разгоняя полумрак, так как все светильники там уже оказались разбиты.

Кто-то выбежал из-за угла, но не успел он даже рассмотреть, кто перед ним, как его голова оказалась запрокинута назад, а из разрезанной до самого позвоночника шеи кровь залила Майлза с ног до головы, смешавшись с его собственной, вытекающей из открывшихся ран.

Охотники побежали вперед, на ходу убивая оставшихся Теней. Кто-то упал. Патроны оставались лишь в одном единственном автомате у Бобби, и он берег их на всякий случай.

Группа Шуда, вероятно, надеялась, что они потратят все патроны на Теней, но они никак не ожидали, что Охотники пойдут в лобовую атаку. Бертон вдруг заметил, что людей

на той стороне стало явно больше – подкрепление, вот только невозможно было понять, Охотники это или простые одержимые.

Они тоже держали в руках огнестрельное оружие, но вблизи оно было практически бесполезно. Началась самая настоящая мешанина из тел и оружия. Мечи, ножи, затупленный топор, даже гарпун то и дело вздымались вверх и обрушивались на врагов. Кровь лилась рекой, заливая пол, стены и даже потолок. Крики людей и верещания Теней смешались в одну страшную какофонию смерти.

Бертон с ужасом выглядывал из-за угла. Даже будь у него оружие и ночное зрение, он бы ни за что не сунулся в эту мясорубку. Он видел битву Джона со Жнецом, то и правда была битва, Леброн рассмотрел в ней даже долю благородства средневековых рыцарей. Но тут все иначе. Бессмысленный круговорот кровавой машины из человеческих и не очень тел.

Кроме него, единственными оставшимися не у дел оказались Джон, Хелин и один из раненых Охотников, чьи руки наскоро перебинтовал Бобби непонятно откуда взявшимся у него бинтом, ныне насквозь пропитанным кровью. Сам он сидел на самом углу и наблюдал за происходящим с нескрываемой злобой, злобой на самого себя, подумал Бертон, на свое бессилие. Джон сидел, точнее, был посажен спиной к стене, а рядом находилась Хелин, подобравшая ноги и заткнувшая уши ладонями.

Частный детектив понял, что все враги заняты, а потому как можно быстрее перебежал на ту сторону, но, вымотавшись от недавней схватки, спотыкнулся и упал, растянувшись на пыльном полу. Из внутреннего куртки кармана что-то выпало. Это оказался один из запасных магазинов, про которые Бертон совсем забыл. «И как только они не выпали раньше?» – подумал он, неосознанно проговаривая мысли вслух. Спихватившись, он быстро перезарядил оружие.

– Хелин. Хелин! Ты меня слышишь? – Он развел ее руки, закрывающие уши. – Ты должна успокоиться, Хелин! Из зажмуренных глаз градом лились слезы, оставляя неровные дорожки на щеках, запорошенных пылью. Ее трясло.

– Вот почему... Вот почему я не хочу становиться Охотником! – крикнула она сквозь рыдания.

– Хелин, – устало позвал Джон.

– Я чувствую, как они умирают! Нет... Я чувствую, как они умрут, но ничего не могу с этим сделать! Я не могу их спасти, потому что они не слушают. Они никогда не слушают!

У нее была самая настоящая истерика, но Бертон не мог, не хотел бить ее по щекам, чтобы привести в чувства. Зато Джон, будь он способен поднять руку достаточно высоко и размахнуться, точно бы это сделал. По крайней мере, так считал Бертон.

За всеми этими рыданиями он даже не сразу осознал, что шум драки затих. Охотник, стоящий рядом, вышел из-за угла, поднялся и Бертон, оставляя чуть успокоившуюся девушку сидеть на месте.

Коридор был просто завален трупами. Рассеченные головы и животы, лужи крови, вывалившиеся внутренние органы. Леброн не сдержался, и его вырвало на ближайшую стену. Будучи полицейским, он успел насмотреться на трупы, но их никогда не было так много, да и в большинстве случаев он приезжал на места, когда тела уже накрывали белым покрывалом. Здесь же все было наведу.

К нему подошел Грассхоппер.

– Эй, ты как? – спросил он.

– Нормально, – ответил Бертон, нагнувшись и держась за стену одной рукой, глаза его

оставались закрыты. На самом деле ему было далеко до нормального, но на фоне произошедшего жаловаться как-то неправильно.

– Нам нужно убираться, пока сюда не прибежал еще кто-нибудь. Ты сможешь понести человека?

Только сейчас частный детектив поднял взгляд и посмотрел на собеседника. Он весь был в крови. Вероятно, большая часть крови принадлежала не ему, однако на левой щеке можно было разглядеть страшную резанную рану, возможно, даже сквозную.

Бертон кивнул. Он очень устал, но хотел хоть чем-нибудь помочь, и если не в бою, то хотя бы после.

– Тогда понесешь Джона, у Викинга рука прострелена и так, по мелочам, он не в состоянии, остальные возьмут кого потяжелей.

Грасс помог затащить Джона на плечи, а затем привел в чувства Хелин, которая до сих пор плакала, но уже не навзрыд, просто словно не могла остановить поток соленых слез. Вообще, Грасс и сам мог понести Джона, но Бертон понимал, что в случае чего, Охотнику придется вступить в бой, а частный детектив в ближнем бою бесполезен, и потому должен оставаться позади, да стрелять можно было и с человеком на загривке, при условии, что весил он совсем ничего.

Всего серьезно раненых оказалось трое, еще двоих выносили уже мертвыми, не желая оставлять друзей на участь быть сожранными Тенями. Тел противников оказалось куда больше.

Когда они проходили по кровавому коридору, Бертон старался не смотреть на тела, что оказалось довольно сложно, так как необходимо было видеть, куда наступаешь, дабы не поскользнуться на чьих-нибудь внутренностях. Его все еще мутило, и детектив до боли сжал челюсти, чтобы и его внутренности не вылезли наружу. Вдруг Джон попросил остановиться.

– Опустите меня, – сказал он. Бертон, не без помощи Грасса, усадил его на пол рядом с Майлзом. Тот был еще жив, но на нем просто живого места не осталось. Грудь пересекал косой прочерк пореза, рану в животе он закрывал рукой, правый глаз залит кровью.

– Ты жив, – прохрипел Майлз, слабо оскалившись в кровавой ухмылке.

– Да, – прохрипел Джон в ответ.

Повисла пауза, слово оба они собирались с силами, чтобы что-то сказать.

– А я вот не очень, – усмехнулся вновь здоровяк. – Я не хотел, – заговорил он вновь после новой, но короткой паузы. – Я считал, что поступаю правильно. Идеи Жнеца... Я до сих пор не знаю, верные они или нет.

– Зато я знаю.

– Это хорошо. Придерживайся своих идеалов. Я вот усомнился в них, и посмотри, что со мной стало. Я убил Машери...

– Это был Шуд.

– Я убил Машери, – повторил Майлз. – Я ведь любил ее, Джон. И жену любил, конечно, но тут нечто другое. Я заслужил такой смерти.

– Никто не заслужил такой смерти. Я скажу, чтобы и тебя вытащили...

– Нет, – перебил его здоровяк почти прежним своим громовым голосом. – Уходи. Уходи и позволь мне умереть с честью, даже если все будут считать иначе.

Джон кивнул и знаком попросил помочь подняться ему на ноги.

– Я прощаю тебя, – сказал он напоследок, и они медленно продолжили путь.

Майлз так и не сказал ему, что ранение в живот он получил совсем не от людей Жнеца.

Завернув за первый же угол, Джон решил, что будет лучше, если его вновь водрузят на плечи, чтобы можно было передвигаться быстрее.

Они бежали по запутанным коридорам так быстро, как могли, и лишь через несколько минут Бертон вдруг заметил, что нет Бобби.

– Сейчас его лучше не беспокоить, – скупое ответил Грасс на вопрос Леброна.

На пути еще не раз попадались Тени, но было их не так много и, судя по всему, они не специально искали нарушителей порядка, но заметив противников, все же бросались в атаку. Пару раз попадались одержимые, некоторые из которых выглядели каким-то больными, у одного по всей кожи воспалились гнойники, у другого взбухли вены. Были они вялыми, а потому особых проблем не доставили.

Несмотря на легкость Джона, когда они, наконец, добрались до выхода, его вес сделался для Бертона почти неподъемным, но он не жаловался, пока, поднимаясь по лестнице наверх, не спотыкнулся и не упал. На него тут же все ополчились, мол, если устал, так бы и сказал, вместо того, чтобы бросать с размаху оземь свою неподъемную ношу. Сама ноша покряхтела, но промолчала.

– Я иду назад, – заявил Грасс, едва они ступили за порог здания. – Нужно найти Бобби, а иначе Камиогава нас всех зашибет.

– Так и так зашибет, – ответил другой. – И лучше она, чем...

– И все же, – перебил его Грассхоппер. Он уже повернулся обратно, когда вперед выступила Хелин:

– Я тоже пойду.

– Нет, – категорично заявил Охотник.

– Я чувствую опасность и могу ее предсказать, если ты пойдешь один, то погибнешь.

Грассхоппер замолчал, обдумывая слова девушки. Умирать ему не хотелось, но и подвергать риску Хелин тоже.

– Я тоже с вами, – неожиданно для себя выдал Бертон. – Здесь от меня пользы мало.

– Как и там.

– На что поспорим, что я стреляю лучше любого из здесь присутствующих? – спросил он, оглядывая раненых и изодранных Охотников. – У меня еще две полные обоймы, я смогу присмотреть за Хелин... а она за мной.

Грасс, снова ненадолго задумавшись, все же согласно кивнул.

– Возьми автомат, – сказал он, – там патронов побольше.

– Я по автоматам не особо, мне лучше с пистолетами.

Джона несли на плечах, словно мешок картошки. Весь день носили. Сначала Майлз, потом Викинг, затем этот Бертон, непонятно как затесавшийся в компанию Охотников. Он понимал, что многое пропустил за дни своего плена, и собирался это восполнить, если все пойдет по плану и он, наконец, будет свободен.

Он не знал, какое сегодня число, но полагал, что до Рождества осталось около недели. Джон не многое узнал от Жнеца, лишь его основной план, но вот способ его реализации до сих пор оставался для него загадкой.

Как только его усадят в машину, он собирался без замедления связаться с Камиогавой.

Она должна знать, все должны знать. Необходимо было что-то предпринять, и как можно скорее, а иначе случится непоправимое.

Пока его несли по мосту, Джон все же сумел дотянуться до поручней, собирая в ладонь тонкий слой снега и посылая его в рот. Во рту словно расцвели райские сады. Он не помнил, когда пил в последний раз, и холодная талая вода приятным теплом растекалась по всему организму. Джон чувствовал, как оживает.

Спасенный пленник забылся, наслаждаясь каждой таявшей на языке снежинкой, и очнулся лишь в тот момент, когда несущий его Охотник вдруг резко остановился. До конца моста оставалось метров тридцать.

– Ну и ну, – раздался знакомый сдавленный голос. – В живых осталось больше, чем я рассчитывал, хотя сейчас это не имеет значения.

– Опустите меня, – попросил Джон, и Охотник поставил его на ноги, но продолжая придерживать, закинув его руку на плечо.

В самом конце моста стояло несколько вооруженных человек во главе со Жнецом. Была там и Блэкснейк.

– Так все это было подстроено? – спросил Джон. – Тогда к чему весь этот фарс? Вы потеряли десятки Теней и одержимых, не говоря уже об Охотниках.

– Нет-нет, это не было ловушкой. Мне самому интересно, как вы узнали про это место. Не скрою, к встрече с гостями мы подготовились, хотя и не ожидали увидеть их на пороге так скоро.

– Тогда почему вы сбежали?

– Ты же не думаешь, Джон, что я столь глуп, чтобы бездумно вступать в прямую конфронтацию? Я всегда продумываю пути отхода. Я надеялся, что вы там подзадержитесь, но вы оказались проворней, чем я думал.

– Подзадержимся? – переспросил Джон. – Для чего?

– Я ведь говорю: я всегда продумываю пути отхода. Под всей этой цитаделью, – он кивнул на постройки на острове, – заложена взрывчатка. К сожалению, таймер можно взвести лишь изнутри. Похоже, Шуду не удалось вас задержать на достаточный срок.

Так вот почему этот ублюдок сбежал в самом начале схватки, подумал Джон. Ему об этом сказали уцелевшие Охотники. Он не мог представить, почему столь сильный боец просто взял и сбежал посреди боя, зато благодаря этому в живых осталось больше, чем могло бы быть. Сбежал, чтобы установить таймер. Или он уже был установлен? Тогда решил смыться тем же путем, что и Жнец со своей свитой?

– Майлз бы мне сказал! – крикнул Джон.

– Я никогда не доверял ему полностью. Он очень наивен, пусть и пытается делать вид, что это не так. Переманить его на свою сторону было проще простого.

– И все же он предал тебя.

– Нет, – потряс он указательным пальцем, – он предал *вас*, а не меня, потому что не может предать тот, кто и так не считался полноценной частью. Я понял, что он слишком глуп уже после раскрытия перед ним своих замыслов, и хотел избавиться от него, но потом решил, что и от дурака может быть польза. Однако той ночью он не убил тебя. Я следил за ним, и когда он вышел из подъезда твоего дома и поплелся за тобой, я уже собирался его убить, как вдруг из ниоткуда выбежала эта Машери. Я увидел, как они милуются, – фыркнул Жнец, – и у меня тут же созрел очень интересный план.

– Ты боялся, что Майлз тебя предаст, а потому решил схватить и завербовать Машери

и использовать ее, чтобы Тор даже и не думал о предательстве, так?

– Твой острый ум очень бы нам пригодился, Джон. Но представь мое удивление, когда я забрался на ту башню и увидел, как эта девка воткнула нож в Майлза, а он и не думал сопротивляться. А я очень не люблю, когда мои планы срываются, – проговорил он со сталью в голосе. – Но это даже было на руку. Когда он увидел, что я якобы собираюсь убить его любимую, то чуть ли не умолял стать моей послушной собачкой.

– И ты приказал ему убить меня. А потом...

– Да. Один из вас должен был убить другого. За этим было интересно наблюдать. Однако ты его не добил. Я снова спас его, гадая, может ли этот увалень вообще быть хоть в чем-то полезен. Хотя кое-что он сделал.

Джон сразу вспомнил их давний разговор и догадался.

– Запись, – подтвердил Жнец. – Ваша битва была записана на видео, как я тебе и говорил. В конце концов, не зря же я этот чертов циферблат сбросил с башни.

Джон знал об основном плане Жнеца, но совершенно не понимал смысл делать запись. Если задуманное им осуществится, в видео пропадет всякий смысл. Смысла не останется вообще.

Он был рад, что узнал больше, но вряд ли Жнец стал бы так откровенничать, желая оставить Джона и остальных в живых. Охотник редко виделся со Жнецом, но и из этих коротких встреч усвоил инфантильность последнего, его желание отомстить всем обидчикам и похвастаться каждому встречному своим острым умом. Вот и сейчас, прежде, чем их убить, он решил приоткрыть завесу тайны, но будучи человеком далеко не глупым, рассказывать всего он не стремился. Вероятно, о всех деталях его плана не знали даже приближенные.

Джон тоже пытался тянуть время, стремясь придумать выход из тупика, или подождать, пока его не найдет кто-нибудь другой, но будучи запертым в четырех стенах, невольно начинаешь кружить на месте, в надежде, что после очередного витка не увидишь перед собой стены.

– Фолла, – обратился он к девушке. Она лишь усмехнулась:

– Надеешься, что я выпрошу для тебя спасения? Даже не думай.

– А для сестры? – Она вздрогнула.

– При чем здесь Хелин?

– Разве Жнец тебе не сказал? Она сейчас в этой, как он выразился, цитадели, осталась, чтобы найти Бобби.

У девушки округлились глаза, и она перевела их на Жнеца.

– Там моя сестра?! Почему ты не сказал?

– А что бы ты сделала? – спросил он бесстрастно. – Скоро все взлетит на воздух, ей не помочь. Я предлагал тебе посвятить ее в наши планы, но ты решила защищать ее до поры до времени, пожинай плоды.

– Ты должен ее спасти! – выкрикнула она гневно. Остальные приспешники Жнеца напряглись. Конченные шестёрки, подумал Джон, зато козырная масть. – Мы же договорились...

– Договор был нарушен, когда твоя сестра пришла сюда с шавками организации! – прикрикнул он в ответ. И тут, словно повинуясь его вспышке злости, раздался взрыв.

Он не был сильным и не сопровождался огненным грибом, как, собственно, и ударной волной, просто вдруг гулкий тяжелый хлопок огласил ночь. Все обернулись на остров. Здания, словно карточные, проваливались сами в себя, вздымая тучу пыли и дыма. Мост

слегка зашатался.

Вслед за этим воздух прорезало протяжное «нееет!» – кричала Блэкснейк. Когда Джон обернулся, она уже падала на промерзлую землю; Жнец не убил ее, просто вырубил ударом кулака. Он взмахнул рукой, и большая часть его людей стала отходить, один подхватил на руки бессознательное тело Фоллы.

– Что ж, а теперь, – он достал из кармана широкого плаща небольшую черную коробочку, – пора и нам прощаться.

Джон все понял почти с самого начала.

– В воду! – крикнул он.

Охотников обучали многим вещам, и, несмотря на желание большинства действовать в одиночку, организация много времени уделяла командным работам. Если кто-то кричал пригнуться – все пригибались, если кричали пасть на землю – все падали на землю, – если в воду, даже если та ледяная, – все бросались в воду.

Охотник, державший Джона, перекинул его через перила моста раньше, чем прозвучал первый взрыв. Он прогремел как раз у самого острова, разнося железный мост на куски, второй уже чуть ближе. Они приближались, словно предыдущий являлся катализатором для взрыва последующего, подобно принципу домино.

Вода оказалась ледяной, что не удивительно, стояла середина декабря. Дыхание Джона перехватило, вода забила в рот, нос и уши, он не понимал, находится ли все еще под водой или все же сумел всплыть, а потому боялся попробовать вздохнуть. Короткий плащ, который на него надели еще в самом начале, слетел, оставляя Джона в одних лишь потрепанных за время плена штанах.

Сам не понимая как, но он вдруг ощутил под собой землю, сначала даже подумав, что оказался на дне, но тут же сообразив, что может дышать. Ледяной воздух обжигал легкие не хуже ледяной воды, и все, чего хотелось – тепла, даже не тепла – жары. Джон решил, что если выберется из этой заварушки живым, то где-нибудь летом отправится в теплые страны, и пошло оно все к черту.

Оставалось самое главное – выжить и выпросить отпуска у Камиогавы. Он не знал, что из этого сложнее.

Странная тройца вернулась в лабиринт. Охотник, бывший полицейский, ныне не очень удачный частный детектив, и проститутка, – компания что надо.

Нож для Бертона все же нашли, даже два, Грасс тоже держал в руках два острых клинка, но более привычные ему кукри, Хелин же, вспомнив о необходимости оружия, взяла в придачу автомат. Судя по тому, как она его держала, обращаться с ним она не умела, несмотря на то, что всячески пыталась делать вид обратного. Видимо, решил Бертон, с большим оружием она чувствует себя уверенней, точно так же, как сам частный детектив с пистолетом.

– И где нам его искать? – спросил он. – Почему Бобби вообще куда-то ушел?

– Хвала богам, что ушел, – откликнулся Грасс. – У него необычная способность, или, лучше сказать, проклятие, – пояснил он. – Когда он сильно злиться, то впадает в бешенство и нападает на всех, кто рядом, даже на союзников. В той битве он почувствовал, что теряет

контроль, и чтобы не причинить нам вреда, убежал как можно дальше. Бобби сильный боец, – заговорил вновь Охотник после длинной паузы, – и без него нам стало туго, но поверь, останься он, и выносить мертвых было бы попросту некому.

Бертон решил поверить на слово, тем более что сам видел, как меч бармена то и дело мелькал в куче-мале золотистым вихрем.

Стояла тишина, на пути не попалось ни одной Тени. Грасс то и дело пинком открывал попадавшиеся на пути двери, но и за ними не было ни души. Бертон готов был поверить, что они перебили всех монстров в подземелье. За дверьми чаще всего оказывалось пусто, лишь небольшие комнаты, больше походившие на камеры, с лежанками и двухэтажными кроватями без белья. В одной отыскался довольно зловонный туалет, за другой подобие мастерской, только без инструментов.

Они так и петляли по запутанным коридорам, пока вдруг не осознали, что находятся у той самой развилки, где произошла бойня. Вонь от крови и содержимого кишечника стала еще сильнее. Осмотревшись, Бертон вдруг понял, что Майлза нигде нет. Не время об этом думать, вернувшись, он доложит об этом остальным.

Пройдя дальше, они наткнулись на дверь, за которой и обнаружили Джона. Не тратя время на размышления, Грасс ударом ноги распахнул и ее.

– Какие люди, – раздался голос, когда они втроем зашли внутрь. – А я думал, вы уже сбежали.

– Шуд! – зарычал Грассхоппер. – Мы, в отличие от подобных тебе, не сбегаем, оставляя товарищей на погибель.

– Товарищей? Каких товарищей? Всех Охотников, что были со мной, вы перебили, оставались лишь Тени да одержимые, как вы их называете. У меня нет от них абсолютной защиты, в отличие от Жнеца, и мне не хотелось бы оказаться разорванным ими на куски.

– А как насчет меня? Тебе хотелось бы быть разорванным мной? – снова прорычал Грасс и двинулся на Шуда с ножами. – Не вмешивайтесь, – кинул он через плечо Бертону и Хелин.

Шуд тоже достал свое оружие. Это были небольшие – меньше, чем у Грасса – ножи, похожие на клинки самого Охотника, но без выгнутых лезвий, а загнутые полукругом, словно когти какой-нибудь хищной птицы. Бертон много раз видел такие, но все время забывал их название.

– Керамбиты, – сказала вслух Хелин, держа Шуда на мушке автомата, однако обзор ей перегораживал раскуроченный Бобби крест. – У него нет ни шанса против грассовых кукри.

Насколько понял Бертон, Хелин никогда не хотела становиться Охотником, но при этом довольно неплохо разбиралась в холодном оружии, в том числе и во владении им. У Леброна же все было иначе, его страстью были пистолеты, а ножом он и картошку не мог нормально почистить, ни разу не порезавшись.

Но как бы хорошо она не разбиралась в клинках, он сильно сомневался, что она так же умело способна с ними обращаться.

Первым напал Грасс. Он нанес самый очевидный удар – сверху вниз, и можно было подумать, что такой удар нанесет и ничего не смыслящий новичок, но даже невооруженным взглядом непрофессионала можно было разглядеть отточенность движений. Грасс высокий и худой, а руки его длинные, из-за чего удары получаются хлесткими, словно он бьет плетью с острыми ножами на конце. Большое оружие ему бы точно не пошло.

Шуд же наоборот, на голову ниже и телосложение имел более плотное, однако

верткости ему было не занимать. Каждый удар Грасса проходил мимо, словно противник уклонялся в последнюю секунду, а может, сам нападающий всякий раз промахивался на миллиметр.

Короткие клинки так и мелькали в воздухе, словно порхающие металлические бабочки: золотистые у Грасса и серебристые у Шуда.

Не прошло и минуты, как Бертон заметил, что Грасс явно уступает. Его дыхание участилось, а движения сделались медленнее, Шуд, до этого лишь уклонявшийся и отводящий удары, Бертон не видел как, но успел нанести первые удары. Кровь капала из-под разрезанного рукава Грасса, заливая ладони, отчего те, наверняка, делались скользкими.

Охотник и сам понял, что проигрывает. Он решил плюнуть на честный бой, тем более что его противник сам точно не отличался благородством. Заприметив на столе железные клещи, он вдруг одним движением смел их и швырнул в Шуда. Тот, явно не ожидая такого подвоха, едва успел прикрыться руками, закрывая голову. Вторым в него полетел какой-то деревянный сапог, который Грасс пнул в противника, отбив ногу как себе, так и Шуду.

Танец клинков и всего, что попадет под руку и ногу, продолжался.

– Это странно, – заговорила Хелин. Грасс и Шуд медленно двигались по комнате, кружа вокруг поломанного пыточного креста и крепкого стола за ним. Бертон и Хелин делали то же самое, стараясь оставаться на противоположной стороне.

– Что именно? – поинтересовался частный детектив.

– Я совсем не чувствую этого Шуда, словно его здесь и нет вовсе. Клянусь, как только я закрываю глаза, мне чудится, словно Грасс сражается с собственной тенью.

Бертон не нашелся что ответить. Все эти способности Охотников были для него диковинкой, возможность видеть в темноте и иммунитет от вселения Теней он еще мог понять, но вот все остальное... Комиксы он не любил, в основном из-за излишне гипертрофированных персонажей. Только ребенок может желать мира во всем мире без последствий, и только он может свалить всю эту работу на плечи одного единственного супергероя, приписав ему все необходимые для этого свойства и способности. И все равно у него это не получается, потому что, помимо гипертрофированных супергероев, всегда есть такие же гипертрофированные суперзлодеи.

Сейчас же Бертон мечтал попасть в один из таких комиксов, где все просто и понятно, а супергерои спасают всех вокруг, не пролив и капли невинной крови.

Из очередного приступа ступора его вывела Хелин. Она вдруг встрепенулась и повернула голову к двери. Бертон проследил ее взгляд, но ничего не обнаружил. Они как раз находились уже почти на противоположной стороне, где застали Шуда, вломившись в пыточную.

– Дверь, – тихо сказала девушка. – Дверь! – выкрикнула она уже намного громче. – Грасс, ты должен вытолкнуть его за дверь!

– И как я тебе это сделаю? – прошипел он сквозь зубы. Было видно, что он чертовски устал, но и Шуд начал сдавать, все хуже защищаясь от случайных швыряний Грасса в него всякими вещами, что попадались под руку и ногу. Одна бровь была разбита, или порезана, заливая глаз кровью, смешиваясь с уже засохшей из разрезанной щеки.

Вдруг он закричал, разбрызгивая кровавую слюну, и с силой влетел в противника. Тот попятился, и от падения его спасла лишь дверь, в которую он врезался спиной. Она открывалась в другую сторону.

Грасс выругался и вновь надавил на Шуда, волоча того к стене. Шуд пытался сопротивляться, вырывался из медвежьей хватки, но придавленный к стене это ему плохо

удавалось; пусть он и поплотней, Грасс компенсировал это ростом.

Он сдвинулся чуть правее, так, что косяк двери оказался по левую руку, но открыть дверь не мог, так как руки с ножами у него были заняты сдерживанием рук с ножами Шуда.

Бертон, заметив тупик, подбежал, рывком распахнул дверь, и не поверил своим глазам. В коридоре, метрах в пятнадцати от него, стоял Бобби.

Запахавшийся, весь в крови, грудь его быстро вздымалась, словно не в состоянии насытиться кислородом, в руке он сжимал свой меч, примерно треть которого была обломана неровным краем. Он повернул голову на шум, но Бертонову почему-то показалась, что Охотник его словно не видит, лишь ощущает чужое присутствие. Он зарычал диким зверем и уверенно зашагал по коридору, неумолимо приближаясь, держа перед собой обрубок окровавленного меча.

– Выброси его за дверь! – снова закричала Хелин. Грасс закричал от напряжения, отвел голову назад и лбом ударил Шуду по носу и рванул на себя, выдергивая из угла, и вытолкнул за дверь, которую Бертон тут же захлопнул.

– Там Бобби, – сказал он.

– Что? Тогда мы...

– Нет, – перебила его Хелин. – Бобби почти не угрожает опасность, он должен победить.

– А если... – Начал Грасс, но тут вдруг в дверь ударили, словно тараном. Бертона чуть не отбросило назад, но Охотник тут же навалился рядом, что оказалось очень кстати, потому что второй удар не заставил себя долго ждать.

За дверью слышалась возня и выкрики, пару раз послышался металлический звук, словно железом ударили по камню. Драка затихла раньше, чем можно было представить, не прошло и полминуты, как за дверью воцарилась зловещая тишина.

Троица переглянулась. Бертон и Грасс перестали подпирать дверь. Охотник взглянул на остальных и кивнул. Он взялся за ручку и потянул на себя.

Острая сталь протиснулась между дверью и косяком раньше, чем щель достигла хотя бы пары сантиметров. Обрубок меча едва не задел отпрянувшего Грасса, и будь клинок цел, Охотник уже лежал бы с пронзенной грудью.

Троица отбежал вглубь комнаты: Хелин и Грасс по левую сторону креста, Бертон – по правую. Бобби, заметив новую цель, также уверенно стал надвигаться на «противников». Его клинок был окроплен свежей кровью, но все еще жаждал больше.

– Дверь! – вдруг крикнула Хелин за спиной Грасса.

– Что – дверь? Она далеко.

– Нет, тут еще одна, она замаскирована под стену. – Она надавила на нее всем телом, но та не поддалась. – Черт!

Времени изучать новое открытие не было. Бобби взмахнул мечом и ударил. Грасс снова еле-еле уклонился. Они с Хелин отходили по кругу комнаты, пока не оказались возле Бертона.

– Отвлеките его, – крикнул он. Частный детектив обежал назад, мимо выхода, и оказался прямо напротив Бобби через стол. На полу он заметил брошенные ранее Грассом в Шуда кусачки, поднял их, смахнул со стола несколько пыточных инструментов и взобрался на него.

– Эй, ты! – крикнул он, пнув в Бобби какую-то безделушку. – Я здесь!

Бобби отвлекся на новую, более близкую цель, гневно закричал и мечом ударил по ногам Бертона. Тот подпрыгнул и уже в приземлении, держа обеими руками, ударил Бобби кусачками по голове. Тот дубом рухнул на спину и выронил меч.

Сам же Леброн приземлился не очень удачно. Он наступил на какую-то деревяшку, нога подвернулась, и Бертон, вскрикнув от пронзившей его боли, повалился со стола прямо на бессознательное тело бармена. Падение оказалось мягким, но от этого не менее неприятным.

Грасс и Хелин тут же подбежали к ним.

– Ты чем думал?! – закричал девушка с ходу.

– Ты же его убить мог! – крикнул в унисон Охотник.

– Я в порядке, спасибо, – простонал Бертон, сползая с Бобби.

Грасс пощупал пульс у бармена и удовлетворенно кивнул.

– Он в отключке. Что нам дальше делать?

– Убираться отсюда, только вам придется мне помочь, я, кажись, ногу подвернул.

– Убираться? Знаешь, как мы далеко от выхода? Я устал и потерял много крови, Бобби я просто не донесу, а тут еще ты со своей ногой.

– А вторая дверь?

– Какая еще дверь? А, точно.

Грасс поднялся и бесцеремонно перешагнул через Бобби, подошел к двери.

– Тут кровь, – сказал он.

– Это, наверное, твоя, – предположила Хелин, подходя следом. Бертон тоже поднялся и медленно поплелся следом, держась за стол, чтобы не напрягать ногу.

– Ладно, попробуем, – хмыкнул Грасс и навалился на дверь. Хелин тоже ему помогла, но безрезультатно – дверь, замаскированная под стену, словно и правда была таковой.

– Да ею, наверно, уже лет сто никто не пользовался.

– А может, как в кино? – предположил Бертон.

– В смысле?

– Ну, рычаг там какой нужно нажать, книгу потянуть или статуэтку покрутить.

– Нет тут ни книг, ни статуэток, – поморщился Грасс, высматривая и трогая все вокруг.

Бертон приостановился, держась за край стола. Там где есть две пары глаз, третья может оказаться лишней. Он решил пока подождать в стороне, держа ногу на весу, в надежде, что ноющая боль уйдет. «И угораздило же меня в героя поиграть. То под пули прыгаю, то под мечи. Подвернутая нога – слишком слабое наказание за безрассудство, но другого, пожалуй, не надо. А ведь я оказался бесполезен, как и говорил Камиогаве, ничего нового не вспомнил».

Отвлеченный думами, его взгляд шарил по столу: цепи, колья, какой-то деревянный сапог, наверно, пара тому, что Грасс пнул в Шуда, оковы, ноутбук... Ноутбук?

Черный, он лежал почти на самом краю стола, чудом не сметенный в царивших здесь схватках. Пара огоньков говорила о его включенности. Странно, подумал Бертон, и открыл крышку. Черный экран сопровождался серым прямоугольником посередине, на котором мелькали уже белые цифры обратного отсчета, если верить которому, оставалось четыре минуты и девятнадцать секунд.

– Народ, – протянул Бертон вслух, – я бы посоветовал вам поторопиться.

– Без тебя знаем, – отмахнулся Грасс.

– Нет, я серьезно.

Хелин, возможно почувствовав в голосе Леброна напряженность, все же обернулась и увидела ноутбук.

– Что там? – она подошла и взглянула на экран, широко раскрыв глаза, увидев

меняющиеся каждую секунду цифры. – Думаешь...

– Скорее всего.

Грасс, заметив всеобщий ажиотаж, тоже подошел. Чертыхнувшись, он быстро вернулся к стене-двери и стал судорожно ощупывать каждый камень, каждую полку, скидывая с них все, что стояло, даже ощупал пол. Крикнул, чтобы ему «уже, наконец, помогли, черт вас дери!»

Хелин тут же бросилась к нему и стала осматривать все то же самое. Бертон начал оглядываться. Вдруг его взгляд остановился на цепи. В комнате царил сумрак, от одного единственного запыленного светильника посреди потолка толку было мало, поэтому вначале он ничего и не заметил, однако свет от ноутбука освятил стену напротив, немного, но достаточно.

Частный детектив уже не раз замечал висящую вплотную к стене с потолка цепь, но подобных полно по всей пыточной, а потому он не обратил на нее особого внимания, однако теперь он увидел, что почти самый ее низ заляпан кровью.

Бертон оторвался от стола и, прихрамывая, подошел к ней. Неуверенно схватив цепь и взглянув наверх, как бы что не упало на голову, он с силой дернул. Цепь поддалась, а секунду спустя послышался шум работающего механизма. Что-то щелкнуло, и дверь слегка приоткрылась.

Грасс и Хелин переглянулись, словно задавая немой вопрос, кто из них нашел заветный рычаг, а потом их взгляд упал на стоящего чуть дальше Бертона в свете ноутбука. Тот, поймав их взгляды, лишь пожал плечами.

Дальше все происходило быстро. За дверью оказалась довольно узкая лестница на поверхность, а наверху располагался маленький причал с двумя небольшими моторными лодками, даже не причал, просто спуск к воде, устланный деревянными досками, которые давно отсырели и подмерзли тонкой коркой льда.

Грасс так и не смог поднять Бобби на руки, а потому просто взял его под руки и потащил по лестнице, из-за чего хозяин бара потерял обувь. Самому Бертону до лодки помогла дойти Хелин. Несмотря на все произошедшее, пахла она также приятно, как и всегда в борделе, ну, может, еще добавился запах пота, но он не портил общей картины.

Бертон осадил себя. «Нашел время».

– Что? – спросила девушка.

– А, так, ничего, – замялся частный детектив, поняв, что выразил последние мысли вслух.

Дотасив его до лодки и усадив, она вернулась к Грассу, схватив его нелегкую ношу за ноги. Заметив отсутствие обуви и протертые до дыр носки на пятках, она укоризненно зыркнула на Охотника, но тот, казалось, ее взгляда даже не заметил.

Бертон, находясь на катере, все же тоже сумел кое-как помочь загрузить на него Бобби. Вслед за ним залезли и Хелин с Грассом. Второй, к слову, неплохо умел управлять катером. В организации подобному не обучали, но Бертону так и не удалось выяснить, где он этому научился.

Не успели они отплыть и на десятую часть мили, как за спиной прогремел взрыв, и здания на острове рухнули, словно выстроенные из хрупкой глины. Вода закрутилась, заполняя внутренние пустоты разрушенного лабиринта. То, чего не сделала Катастрофа, довершили люди.

– И это все? – разочаровано произнес Бертон. – Я ожидал более... масштабного действия.

– Нам бы хватило, – буркнул Грасс.

Они остановились, решая, куда плыть дальше. То, что к большой земле, – было очевидно, но вот в какую сторону? Джон и остальные могли их ждать, а могли уже уехать; некоторые Охотники ранены, и им необходима помощь.

Решение приняли новые взрывы. Мост, находящийся сейчас по отношению к ним на другой стороне острова, вдруг начал взрываться. словно домино, взрывы катились по мосту, разрушая его до основания. На этот раз они сопровождались более громкими хлопками и огненными всполохами с фонтанирующими брызгами воды.

Грассс чертыхнулся, завел мотор и резко развернул посудину, из-за чего Хелин с Бертоном чуть не выпали за борт. Уже подплывая к берегу, они увидели несколько таких же отплывающих катеров. Грасс выбрал второе между преследованием и помощи тем, кто оказался в воде. Кто-то плыл к берегу, некоторые не подавали признаков жизни. Грасс затормозил у одного из бултыхающихся тел и не раздумывая спрыгнул в ледяную воду, охватил человека за грудь и одной рукой загреб к недалекому берегу.

– Умеешь управлять это штукой? – крикнул Бертон Хелин.

– Теоретически, а что?

– Сможешь подплыть вон к тому? – он указал рукой на одно из ближайших тел, дрейфующих в реке. Хелин кивнула и сняла катер с холостого хода, аккуратно разворачивая его. Подплыв поближе, она заглушила мотор и как можно более резко развернулась, ударив по телу бортом. Бертон, свисающий как раз с этого самого борта, зацепившись за что-то одной ногой, попытался затянуть человека на катер, но он оказался на удивление грузным, а намокнув, стал просто неподъемным. Леброн сказал, чтобы девушка шла тихим ходом к берегу, пока он сам будет держать человека в воде, приподняв тому голову.

Хелин, как и сказал Бертон, прямо на ходу въехала в пологий берег, отчего их все бросило вперед. Частный детектив кое-как перебрался через борт и аккуратно спрыгнул в воду, стараясь не наступать на подвернутую ногу; вода оказалась всего лишь по колени, и ее холод притупил боль.

Он втащил тело на берег и проверил пульс. Он отсутствовал. Прислушавшись к сердцебиению, начал делать массаж. Спустя полминуты его окликнул Грасс:

– Твою мать, что ты делаешь?

– А? Пытаюсь спасти хоть кого-то! – прокричал он в ответ.

– Это Курман, он погиб еще на острове!

Бертон присмотрелся и выругнулся. Он и правда видел, как его несли уже мертвым. Снова выругнулся. Столько сил и стараний ради спасения уже умершего человека.

Разбрызгивая воду, на берег выбралась и Хелин; Бертон про нее совсем забыл.

– Ты цела? – запоздало спросил частный детектив.

– Да вот, шишку набила, – цокнула она, потирая лоб. Бертон почувствовал себя виноватым, да он и был. – Эй, да это же Курман, – сказала она, увидев тело Охотника. – На кой черт ты пытался спасти покойника? Мы чуть не угробились.

– Я ж не знал, – пожал он виновато плечами.

– Нет, ты все правильно сделал. Не каждый приложит столько усилий, чтобы кого-то спасти. – Она огляделась. – Это же Джон.

Она подбежала к Грассу. Бертон видел, как рядом с ним кто-то лежит, но не особо обратил внимание, а потому только сейчас сообразил, что это и правда Джон, и, в отличие от «спасенного» Леброном, живой. Посмотрев дальше, прикрывая глаза от пламени

догорающего моста, он увидел, что на берегу не только они, но и другие выжившие Охотники. На сердце сразу отлегло. Он почти никого из них не знал, но почему-то был рад, что они живы.

Лишь спустя минуту он вдруг подумал, откуда Хелин знает имя этого Курмана? Вероятно, он тоже был ее клиентом. От воспоминаний того, кем является девушка, ему на душе снова сделалось тошно. Такая красивая, такая нежная, любой мужчина пошел бы ради нее на все, а она заделалась проституткой, с которой, похоже, переспала половина организации фриков.

От очередного приступа неконтролируемых дум его отвлек всплеск воды. Бобби, очнувшись, спрыгнул с катера, как и Хелин, держась за голову, и снова по вине Бертона. Сам он вдруг резко вскочил, но боль в ноге пронзила его до самого мозга, и частный детектив вновь рухнул на задницу.

– Тише, парень, тише, – успокоил его Бобби. – Я пришел в себя. Судя по шишке на голове, меня кто-то не слабо приложил. И правильно сделал. – Его взгляд остановился на теле Курмана и сделался испуганно-печальным. – Это... это я его? – спросил он, сглотнув.

– Нет. Думаю, нет. Я лишь знаю, что вы убежали раньше, чем... ну, вы знаете.

Бобби сел на снег рядом с Бертоном, рассматривая окровавленные руки.

– Что там случилось?

Леброн пересказал все события с того момента, как началась бойня в коридоре так, как помнил их сам и как представлял себе, а представлял, надо сказать, он довольно верно.

– Так значит, Джона мы спасли? Хоть одна хорошая новость за день.

Через минуту их окликнули, что, мол, пора отсюда сваливать, пока не нагрянули копы. Разбираться с ними придется так и так, но лучше, чтобы всего этого они не видели. Тела собрали: двое погибших на острове и еще столько же от взрыва моста. Бертон винил себя, что не попытался кого-то из них спасти, а вместо этого бесцельно реанимировал стопроцентного мертвеца. Справедливый ли это обмен: один спасенный на четырех погибших, не считая раненых? Леброн сомневался.

Микроавтобус оказался на месте, лишь колеса были пробиты, словно в отместку за какую-то старую обиду. Полиция и кареты скорой помощи прибыли раньше, чем новый транспорт от организации, и разбираться с ними пришлось Бобби, что в его состоянии оказалось проблематично.

Полицейские вначале вообще наставили на всех пистолеты и приказали бросить оружие, потом встать на колени и руки за голову, и что б без резких движений, пока не придет подкрепление. Охотники послали их к черту и заявили, что если будет сделан хоть один выстрел, копы об этом пожалеют так, как не жалели никогда в жизни. В конечном итоге они все же позволили показать документы сотрудников организации «Тенелов» и немного расслабились, но оружие далеко убирать все же не спешили.

Скорая осмотрела раненых, кого-то хотели увести, но Бобби не позволил. Через минут пять подъехали машины организации во главе с Камиогавой. Полицейские расслабились совсем. Немного позже прибыло пресловутое подкрепление, которое тут же отослало обратно, но Бертон и остальные этого уже не видели, возвращаясь на базу на семи разных автомашинах.

Ночка выдалась ужасной, самой ужасной из всех ночей и дней частного детектива. Вряд ли ее удастся когда-либо переплюнуть. Бертон надеялся.

Глава 2: Поиски

Неравный бой продолжался, словно шел всегда и будет идти вечно. Оливер очень надеялся, что это не так. Даже не будучи в гуще битвы, он очень устал, чего уж говорить об Охотниках. Несмотря на все их старания, несколько Теней все же проскользнули, и парню пришлось применить все свои умения обращаться с мечом, чтобы их уничтожить. Как казалось ему самому, справлялся он вполне неплохо, но даже если и заслужил похвалы, сейчас всем было не до этого.

Разбилось уже два фонаря, а патронов в автоматах оставалось совсем немного. У всех кончились магазины. Больше всего устали те, кто использовал более грузное оружие, вроде топоров и секир, но и мечникам было нелегко. Пользователи же коротких ножей и кинжалов вообще оказались практически бесполезны, и их посылали узнавать о судьбе второй группы. Они оставались там, взамен них прибегали уже другие такие же бесполезные сейчас Охотники с коротким оружием.

Вторая группа держалась лучше, оттуда даже прислали несколько Охотников на подмогу, хотя проку от них тоже было немного. Казавшиеся очень широкими до этого катакомбы, вдруг стали узкими, заставляя Охотников тесниться, бить друг друга плечами и локтями, и аккуратнее махать клинками, чтобы никого не задеть.

Вторая группа еще и двигалась то ли медленнее, то ли с самого начала ушла вглубь коридора дальше, чем группа Оливера, и теперь первой приходилось задерживать черную волну изо всех сил, дабы не подойти к распутью слишком рано.

Цилиндрический туннель был слишком высоким, до потолка просто физически было невозможно достать ни руками, ни оружием, зато по ним прекрасно лазили Тени, спрыгивая прямо на головы. Чтобы этого не происходило, большая часть фонарей направлялась именно вверх, но это помогало лишь тем, что падали Тени уже обессиленными от ультрафиолета.

Так прошел, наверное, час. Оглянувшись очередной раз, Оливер разглядел уже недалеко распутье и уходящий чуть в сторону главный коридор. Уже близко, подумал он. Отвлечшись, он пропустил рухнувшую сверху Тень, оглянувшись лишь на звук ломающейся штукатурки. Тень, вереща, бросилась на него, сбив с ног, от неожиданности тот обронил и фонарь, и меч, рухнув на спину.

Тень, сбив его на землю, перелетела через него, и теперь скалила острозубую пасть. Оливер замер, стараясь дышать как можно тише, наблюдая за монстром который теперь оказался для него вверх ногами, и боясь оторвать взгляд. Где-то по правую руку лежал короткий меч, а по левую – фонарь. Необходимо было выбрать что-то одно, либо дожидаться помощи, которая, скорее всего, уже опоздает.

Вдохнув поглубже затхлым воздухом, он подскочил как можно резче и кинулся к оружию, ухватившись за лезвие меча, и если бы не перевязанные уже руки с митенками, порез оказался бы серьезным.

Он едва успел выставить клинок, когда его вновь сбили с ног. Тварь, нанизанная на острие, взвизгнула и затихла на груди Оливера. Он видел, как медленно исчезает перед ним густая тьма, растворяясь прямо в воздухе, чувствовал уходящую с груди тяжесть ночного чудовища, порождения тьмы. Через несколько секунд о существовании Тени напоминал лишь слабый запах серы, смешавшийся с множеством других зловоний катакомб.

Поднявшись на ноги, он оглядел себя: куртка была лишь слегка порвана в нескольких

местах, ничего серьезного. Переведя взгляд на фонарь, Оливер увидел, что тот не горит. Подойдя и подняв его с земли, он убедился, что ручной источник света безвозвратно сломался от падения. Проклиная свою нерасторопность, он сплюнул и запустил фонарем в стену из Теней, что не осталось незамеченным.

– Ты совсем охренел фонарями бросаться?

– Он разбился.

– А батарею ты вытащил? Оливер тут же покраснел от стыда. Обычно он не страдал ребяческой глупостью.

– Запасная осталась, – промямлил он.

– Давай сюда, а то еще и эту выбросишь. Он тут же подчинился.

Теперь пользы от него стало меньше, чем от Охотников с ножами. Пусть его клинок и был длиннее, но сам он находился не на передовой, да даже если бы и находился, с настоящими Охотниками ему не сравниться.

Оливер снова оглянулся на пересечение коридоров. Взглянув на спины Охотников, он решил, что все равно ничем не сможет тут помочь, и побежал к перекрестку.

Встав на самом углу, он посмотрел сначала налево, потом направо. Группа справа и правда была дальше. Он побежал к ним. На полпути встретил бегущего навстречу Охотника. Они переглянулись, и Оливер решил, что правильной будет что-то сказать, но на ум ничего не пришло, поэтому он лишь глупо пялился на Тенелова. От неловкости он снова покраснел.

Вдруг в ногу кольнуло, и он чуть не упал. Кольнуло в ту самую ногу, которая была загипсована, а он об этом и забыл. Действие местного обезболивающего, судя по всему, стало медленно проходить. Остаток пути он пробежал не так рьяно, стараясь аккуратнее наступать на больную ногу.

Подбежав, он увидел почти идентичную картину. Множество Охотников, стоя плечом к плечу, отбивались от Теней. Посреди ряда он вдруг заметил брешь, а присмотревшись, разглядел стоящую там Миранду с Эвиллой за спиной.

Миранда использовала свою способность на полную, не позволяя Теням приблизиться к ней ближе, чем метра на полтора во все стороны, да даже и на таком расстоянии Тени словно чувствовали себя плохо, плюясь и шипя. Охотники, пользуясь моментом, то и дело уничтожали отвлекшихся Теней. Оливер решил, что так медленно они отступают именно из-за этого.

Позади всех он увидел и Сьюзен. Подходя ближе, он вдруг услышал ее всхлипывания. Она плакала.

– Сьюзен, – окликнул он ее, но тут его кто-то схватил за рукав. Он вскрикнул и уже занес меч, как увидел, что это один из Охотников, который на занесенный клинок даже не взглянул.

– Ты же Оливер? Что ты здесь делаешь? Тебя послали передать, как обстоят дела?

– Э... Нет. То есть... В общем, вам следует отступать чуть быстрее.

– Это мы и так знаем, – отмахнулся тот. – Но мы не можем, если расслабимся, Тени нас раздавят.

Видимо, потеряв к парню всякий интерес, Охотник вернулся обратно в строй, заноса для удара меч странной формы, словно клинок у него получился слишком длинным, и его попросту согнули, превратив в подобие крюка.

– Сьюзен, – снова позвал он девушку, подходя ближе. Та развернулась. Лицо ее и в самом

деле оказалось заплакано, откуда-то взявшаяся тушь давно потекла и размазалась по всему лицу, придавая ей странный комичный образ. Оливер едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Оли?

– Сьюзен, почему ты плачешь? Тебя ранили?

Девушка помотала головой:

– Не меня, – она всхлипнула она, – одного из солдат. В него... вселилась Тень, и меня попросили ее изгнать. Но это у тебя такая способность. – Она закрыла лицо руками, и Оливер решил, что больше она не скажет ни слова, но ошибся. – Они сказали, что бежать за тобой слишком далеко, а решать нужно сейчас, иначе он умрет. И я... я...

– Что ты сделала?

– Я помню, как ты говорил, как спас того детектива. Я положила руки на голову одержимому солдату... и сосредоточилась. Сначала ничего не происходило, а потом... – Она снова всхлипнула, но удержалась от рыданий. – Потом он вдруг весь выгнулся, глаза и рот его широко раскрылись. Я подумала, что у меня получается, я была так рада, что хоть чем-то могу помочь. А потом... – На этот раз она не удержалась и зарыдала в голос.

Оливер не знал, что делать. Подойти и обнять ее? Или просто стоять и ждать? Может, отвесить пощечину? Он никогда не понимал девушек, иногда в одинаковых случаях они желают разного.

Он решил, что лучше всего будет подойти и положить руку на плечо, чтобы показать ей свое участие, если захочет, она сама уткнется ему в грудь или отстранится. Так он и сделал, однако Сьюзен осталась стоять, как стояла, утопив лицо в ладонях.

– Что случилось потом? – спросил он несколько неловко. – Расскажи мне.

– Потом... потом он умер. Он просто перестал двигаться и все. Когда я осознала, что наделала... Охотники ждали, когда вылезет Тень, чтобы ее прибить, но этого не произошло. Я убила и Тень, и человека.

На этот раз она все же уткнулась в грудь Оливеру. Не зная, как себя вести в подобных ситуациях, он неловко приобнял Сьюзен и погладил ее по спине. Однако объятиям не суждено было продолжиться слишком долго. Тени все налегали, а Охотники медленно отступали.

– Нам нужно уходить отсюда, – сказал Оливер.

– Куда?

– На поверхность. Здесь мы все равно ничем не сможем помочь, а если останемся, то окажемся в ловушке вместе со всеми.

– Предлагаешь просто сбежать? – спросила она как-то с укором и отстранилась.

– Я же говорю: от нас здесь никакого проку.

– Но ты хотя бы можешь изгнать Тень, если она в кого-нибудь вселится.

Оливер не нашел, что ответить. Да, он мог, вот только случаев вселения Теней было всего два, считая случай со Сьюзен. Обычно Тени просто набрасываются и стремятся разорвать жертву, а не сделать ее тело своим новым пристанищем.

От Сьюзен же проку еще меньше, так как ее прикосновения и вовсе смертельны для одержимого, хотя сказать такое вслух он не мог. Ей так или иначе необходимо уходить, но одну ее отпустить он не осмеливался.

В конечном итоге последнее предложение он все же озвучил вслух.

– Хочешь сказать, что я всем только мешаю? – обидчиво спросила она.

– Я такого не говорил. Я лишь сказал, что нам всем надо отсюда убираться, а лучшего

случая может не представиться.

– Я могу постоять за себя, – с вызовом заявила она. Слезы о случайно убитом человеке высохли, оставив после себя лишь размытую по всему лицу тушь.

Оливеру это упрямство уже надоело.

– Да? И чем же? Где твоя шпага?

Она было потянулась за пояс, но тут же одернула руку и потупилась, поджав губы. Оливер догадался, что оружие она попросту потеряла. Еще оставались ножи, но сейчас они покоились в чехлах бесполезными железками.

– И чем ты собираешься постоять за себя? Голыми руками? – Он помолчал, но ответа так и не услышал. – Давай хотя бы дойдем до распутия, там сама увидишь, как обстоят дела. Снова ничего не ответив, она все же после короткой паузы коротко кивнула.

До перекрестка добежали быстро. Он и не заметил, как противостояние продвинулась дальше. Стоя на пересечении туннелей и у высокой комнаты-бочки, уже можно было разглядеть и Охотников, и кишашую Тенями тьму перед ними.

Охотники слева все еще держались не так хорошо, как правые, где находилась Миранда. Как оказалось, Охотник, что повстречался на пути Оливера, когда тот перегибал в другую группу, бежал сообщить о делах, обратно вернулся уже другой, передал вести, и тот, что допрашивал Оли, направил в подмогу еще двоих Тенеловов с фонарями, но и этого казалось мало. Способность Миранды превосходила любое количество даже самых опытных Охотников, ограждая от темных сил непробиваемой, хоть и невидимой стеной.

Главный ее минус заключался в радиусе. Стоя на самой середине туннеля, она не могла закрыть бреши с боков и сверху, чем и пользовались Тени, безуданно пролезая в них, словно тараканы в узкие щели. Уйди все Охотники на подмогу второй группе, Миранду попросту окружат со всех сторон, и она превратится в валун посреди бурной реки, который бушующие воды едва замечают на своем пути. А вода, как известно, камень точит, и никто не знает пределов сил юной воительницы.

Между тем обе группы продолжали неумолимо приближаться. Сюзен смотрела во все глаза то в одну сторону, то в другую. Оливер не хотел вновь предлагать ей уйти, во-первых, она может вновь заартачиться, а во-вторых, не желал прослыть в ее глазах жалким трусом, хотя понятия не имел, почему ему так важно ее мнение. Не только ее, поправил он себя, всех Охотников. Один из них, к слову, вдруг его окликнул.

– Оливер! – закричал Клайд, да так, что парень подскочил на месте. – Твою мать, ты куда делся?

– Я, – начал он слабым голосом, но потом понял, что с такого расстояния его едва ли слышно, тем более за всем этим брэнчанием оружия и визгом Теней, и заговорил громче, – я был у второй группы.

– Какого хрена ты убежал, никому ничего не сказав?

– У меня сломался фонарь, – попытался он нелепо оправдаться, чувствуя какую-то вину, но не знал, в чем именно он виноват. – Я бы все равно ничем не смог бы здесь помочь.

– Тебя поставили защищать тылы! Все считали, что ты позади, поэтому тебе и следовало там быть! Мы потеряли еще одного человека!

Оли глупо открыл и закрыл рот, не зная, что возразить. Хотя кое-что все же было: ему никто и не приказывал защищать тылы. Лишь сказали держаться позади и светить фонарем, что он и делал, пока последний не сломался.

Клайд Сдейл молча сплюнул и вернулся в плотный строй, слившись с темной стеной,

что стояла на пути еще более темной волны.

Вот так Оливер, спасший человека от одержимости и предупредивший о надвигающейся тьме, превратился в Оливера, которому нельзя доверять прикрывать спину. Он едва сдержал слезы обиды, вспомнив, что не один он может видеть в темноте. Сьюзен все это время стояла рядом, но не проронила ни слова.

Винит ли она его? Из-за него, возможно, погиб человек, но он был виноват лишь косвенно, когда как девушка убила напрямую, пусть и по незнанию. От этой мысли ему почему-то сделалось легче, но в то же время и противно.

Он не знал, что делать и что говорить, и следует ли вообще. Если он сбежит сейчас, хватятся ли его? Обвинят ли в трусости? Он посмотрел в тот коридор, где шагах в ста находилась лестница, ведущая на мнимую свободу. Отводя взгляд, он вдруг заметил какой-то блеск. Присмотревшись, он и в самом деле разглядел далекий свет.

Когда он приблизился, Оливер увидел, что это вторая половина всех Охотников, спустившихся в катакомбы. Половина, в которой оказался Оливер, нынче разделилась на три, однако половина, с которой ушли Мейсон и Везел, казалось, оставалась все той же. Когда они приблизились, в туннелях вновь стало невероятно тесно.

Почти все Охотники, заметив положение товарищей, тут же выругались и всем скопом кинулись на подмогу. Уставшим бойцам пришли на помощь свежие силы союзников. Фонарей стало почти в два раза больше, слышалась канонада выстрелов, так как и патронов у подкрепления все еще оставалось полно.

Оливер и Сьюзен, чтобы не мешаться, отступили вглубь высокого помещения, где было еще более душно, чем в остальных катакомбах, а воняло просто нещадно. Но Оли не обращал на это внимание. В его груди горела какая-то восторженная радость, но при этом и ел стыд за то, что он минуту назад всерьез задумывался о побеге, и на сей раз не ради спасения друзей...

Тяжело дыша и с кровавой ссадиной на голове вдруг показался Мейсон, сжимающий в руках свою любимую булаву. Его явно неслабо потрепали, одежда изорвана, а сама булава в некоторых местах помята, словно ею долбили по каменным стенам. Кулаки его, почему-то, тоже оказались разбиты.

– Мейсон! – окликнул его Оливер. Лысый и угловатый, Оли он совсем не нравился, особенно его постоянные грубые усмешки, которые он, по-видимому, таковыми не считал.

– О, Оливер! – вскинул он руками, – И Сьюзен здесь. Рад, что вы живы, голубки.

– Что у вас там случилось? – проигнорировав «голубков», тут же спросил Оливер. – Почему вы вернулись?

– А. Да ничего особенного, тупик там оказался, а в тупике Тени, и эти, как их, одержимые.

– Одержимые?! – воскликнул Оливер, не сумев сдержать эмоции. – Где они? Что вы с ними сделали?

– Успокойся, успокойся, – примирительно поднял руки Мейсон, в одной из которых все еще покоилась внушительная булава, усеянная шипами. – Приказ все помнили, схватили их, наручники из этого амбисидиана надели.

У Оливера сразу отлегло. Он до последнего не верил, что встретив одержимых, Охотники тут же не перебьют их всех от греха подальше; так проще. Но Камиогава отдала приказ. Потому что Оливер попросил? Организация не хотела потерять столь потенциального члена и потому согласилась? Маловероятно. Тогда, может, они и правда

решили попытаться спасти всех одержимых с помощью силы Оли? Не потому ли он как раз столь им интересен? А раньше? Они ведь не могли знать, когда спасали его от Теней, на что способен, если вообще обладает какой-либо силой, как и не знали о способностях Миранды. Или это не так?

Организация чего-то добивается, и во главе их планов стоит пятерка новичков со столь необычными даже для Охотников способностями. Оливеру это не нравилось. Он не знал, задумываются ли о подобном остальные, но сомневался в этом, однако рассказывать о своих подозрениях не спешил, не желая почем зря их тревожить и заставлять волноваться. А если я не прав, думал он, меня же засмеют и объявят параноиком. А если о моих опасениях и недоверии узнает сама организация, меня точно где-нибудь запрут, да хоть в той же психушке. Ладно меня, но и остальные попадут под удар.

– Эй, ты заснул что ли? Оливер встрепенулся.

– Где они? – спросил он.

– Кто?

– Ну, одержимые!

– А, мы их там оставили, – он махнул рукой в сторону коридора. – Они в наручниках, под прицелом фонарей и автоматов, никуда не денутся. Их оставили позади с охраной, чтобы они не замедляли движение остальных. Везел такое сотворил, вы ни за что не поверите! Эти одержимые превратились в полуживых черепах, ни двигаться нормально не могут, ни говорить. Натуральные зомби! – усмехнулся он, а потом и вовсе рассмеялся своей шутке.

– А там были... Ну... – замялся Оливер. Он хотел спросить о друзьях, но не знал, как их описать. Он видел их всего три дня назад, но едва узнал сам: грязные, исхудалые, со слипшимися волосами, куда там их узнавать кому-то, кто никогда прежде их не видел. – Сколько их всего? – решил он задать вопрос.

– А, человек десять, может, дюжина наберется. Я не считал, – пожал Мейсон плечами.

– А Везел? Где он.

– Да был где-то здесь, – он оглянулся. – Он же вырубился сразу, как намутил свои шаманские штучки, его Охотник какой-то нес. А, вон он.

Оливер проследил за его взглядом и заметил сначала Клайда. Рядом с ним стоял почти такой же большой Охотник, а на загривке у него покоился Везел.

Понимая, что добиться от Мейсона внятных ответов вряд ли получится, он, ничего не говоря, бегом направился к ним. Сьюзен отправилась вслед.

– Их нужно отвести в организацию как можно скорее, пока они не пришли в себя, – услышал Оливер слова Клайда.

– Может, ну их к черту? – спросил второй, держащий Везела. – Нам нужны люди здесь. Ты только посмотри! – он кивнул на одну из армий Теней.

– Насмотрелся уже, – угрюмо проговорил Клайд и сплюнул под ноги. – У нас есть приказ...

– К черту приказ! – перебил его второй. – Наша основная задача – найти чертово золото или чертову Дыру. Мы не нашли ни того, ни другого. Нужно уходить, а этого не сделать с лишним грузом на плечах, – сказал он, поправляя груз на плечах.

– Не факт, что здесь ничего нет, – вмешался в разговор третий. Это оказался тот самый Охотник, что расспрашивал Оливера. Один его глаз оказался в крови, возможно, и вовсе вырван, но держался он стойко, словно получил незначительную царапину.

– Ирмин?

– Наша группа так и не дошла до конца туннеля. Тени набросились на нас раньше. Если в этих вонючих катакомбах что-то и есть, то оно в той стороне, – он показал на коридор, из которого появился, и тут же умолк. Там было какое-то движение, какое-то неправильное. Люди закричали, Тени повалили, словно поток воды сквозь рухнувшую дамбу.

Клайд и Ирмин закричали во все горло и ринулись на подмогу, несмотря на раны, несмотря на усталость.

– Подкрепление! – Взревел Ирмин. – Нам нужна подмога!!

Все, кто услышал клич и был свободен, бросились на помощь, не раздумывая ни секунды, словно давно ждали, когда их позовут. Они ринулись в бой с бездной без страха и сомнений, будто давно привыкли вот так каждый день подвергать свою жизнь опасности.

Оливер сомневался, что когда-нибудь станет таким же.

Кто-то выбежал из толпы. Это оказался незнакомый Оли Охотник и Эвила. Охотник нес на руках тело. Миранда, тут же пришла в голову догадка. Эвила не отходит от нее ни на шаг.

Оливер было дернулся побежать, но понял, что они и так бегут сюда, а он лишь окажется помехой под ногами.

Остановившись в самом центре пересечения коридоров, Охотник встал на одно колено, все еще держа девушку на руках и придерживая ей голову. Вслед за ним из толпы выбежало еще несколько человек, неся Охотников и элитных бойцов. Кто-то был жив, стонал и что-то лепетал, словно в бреду, другие покоились на руках безмолвно.

– Что случилось? – потрясенно спросила Сьюзен, опередив Оливера, и присела на колени рядом, касаясь покрытого потом лба Миранды.

– Нарколепсия, – ответила Эвила, голос ее всегда был спокоен и холоден, однако сейчас в нем чувствовалось напряжение. – Она заснула.

– Это наша ошибка, – покачал головой Охотник, оглядываясь на коридор; кризис, казалось, миновал, Клайд и Ирмин возвращались. – Нам говорили об этом, но мы забыли, а потому даже не подготовились к подобному.

– Не вини себя, – сказал, подходя, Ирмин, и положил руку на плечо Охотнику. – Никто из нас не подумал.

– С ней все будет в порядке? – спросила Сьюзен.

– Да, она просто уснула. Эвила не зря находилась рядом, девочка даже не успела закрыть глаза, как она тут же ее подхватила и уволокла, а остальные прикрыли.

Оливер взглянул сначала в первый коридор, потом во второй. Обе группы теперь находились практически на одинаковом расстоянии от перекрестка.

– Уже скоро, – проговорил он вслух.

– Да. Я и забыл, – спохватился Клайд. – Эй, Баку! У тебя все готово?

– Взрыв будет такой, что затмит свет солнца! – крикнул тот в ответ.

– Эй, чего это вы задумали? – не понял Охотник, держащий Везела.

– У нас целая гроздь светошумовых гранат. Мы специально отходим так, чтобы обе группы Теней оказались здесь в одно время, а затем мы жажнем так, что эти твари во век не забудут.

– А если тут все рухнет к чертям собачьим? – Его заверили, что все уже обсудили и решили, только без него. – Хорошо, ладно, черт вас дерит, вот только светом вы убьете лишь тех, что окажутся в эпицентре, остальные же быстро очухаются, вы их всех не перебьете.

– А мы и не собирались. Взрыв даст нам времени, чтобы уйти.

– Уйти? – удивился Охотник. – Черт, я же буквально только что предлагал тебе то же

самое, а ты отказался. Сказал, что нужно спасать тех, кто оказался зажат между Тенями.

– Так я и не предлагаю уйти насовсем, нам лишь нужно перегруппироваться. В машинах наверху еще осталось оружие и фонари.

Оливеру план не понравился сразу. Если он отсюда выберется, то черта с два вернется. Его заботили лишь друзья, которые где-то дальше по коридору закованы наручниками и медленно движутся к выходу. Он хотел рвануть туда, посмотреть, есть ли среди захваченных одержимых его друзья, вытащить из них Теней немедленно. И вообще, почему ему не предложили этого сделать, а решили сразу же отправить в организацию?

– Так может это, воспользуемся способностью этого малого? – кивнул Тенелов на покоившегося на его плечах Везела.

– А что он может? – спросил кто-то. Охотник кивнул и вкратце пересказал свою историю.

Оливер обомлел.

Везел, оказывается, обладает просто колоссальной силой, превосходящей всех других. Он словно создает вокруг себя невидимую волну, убивающую всех Теней, попадающих под нее, а одержимых словно дезориентируя. Тени внутри людей, похоже, не погибают, но как бы теряют контроль над телом, однако и сам законный владелец не приходит в себя.

– Несправедливо, да? – хмыкнули за спиной, отчего Оливер подскочил от неожиданности.

– Мейсон!

– Ха-ха-ха! Не бойсь, свои. Говорю, везет Везелу. Хорек чертов. Смотришь: бандит бандитом, зэк, чего с него взять. А тут раз, оказывается нашим спасителем. У нас там тоже Теней привалило, думали, капец нам, а тут он как заорет, руки раскинул, задрожал весь, словно его токомшибануло, а потом раз, и повалился наземь. Решили, что с ним приступ какой случился, потом глядим, а Тени-то прямо на глазах падают и исчезают, словно... словно тени ясным днем, во.

– Так что, используем его?

– погоди, давай сначала подумаем.

– Ты думай, да не задумывайся. Минут десять, и нам тут всем придет каюк.

Тени продолжали напирать, медленно, но уверенно оттесняя бойцов. Да, Охотников и элитных бойцов стало теперь намного больше, но туннель все еще оставался слишком узким, и все, что им оставалось, – светить фонарями из-за спин, иногда подменя уставших или раненых. Зато теперь ни одна Тень не могла пробиться за спину. Но если обе группы ночных тварей окажутся на широкой развилке, то сметут любого противника перед собой смертоносной черной волной.

– У нас ничего не выйдет, если Везел будет без сознания.

– Сейчас. – Охотник стряхнул бывшего зэка со спины и уложил на холодный и грязный пол. – Я уже пробовал раньше, но у меня ничего не вышло.

Как оказалось, здоровяка, принесшего Везела, зовут Джейсоном, хотя большинство его называли Эскулапом. Прозвище это к нему привязалось, когда узнали, что он способен исцелять, прикладывая руки к телу раненого. Однако это все же не совсем так, о чем он не уставал постоянно повторять. Он мог лишь унять боль, нормализовать состояние и привести человека в чувства, что зачастую летально. Джейсон был новичком в организации, с момента его вступления едва ли прошло больше полугода. А раньше он работал массажистом, и имел репутацию человека с золотыми пальцами.

Везел пришел в себя не сразу. Казалось, будто он уснул после долгого и трудного дня, а теперь не желал просыпаться. Пусть Мейсон и считал, что Везелу повезло со способностью, но Оливеру так не казалось. Терять сознание после каждого использования как минимум не прагматично и опасно, если вокруг тебя нет тех, кто сможет вытащить твоё обмякшее тело.

Когда Везел более-менее пришел в себя, его поставили на ноги, хотя все же приходилось придерживать его в вертикальном состоянии, чтобы он не упал.

– Эй, Везел, да? Помнишь, что случилось?

– Смутно, – отозвался тот, прокашлялся и сплюнул. – На нас Тени напали.

– Да, и ты их уничтожил.

– Кто? Я? – поразился спаситель.

– Ты, ты. Так вот, нам необходимо, чтобы ты повторил этот свой подвиг. Сможешь?

Везел, казалось, с трудом понимал, что вокруг происходит. Он то и дело тряс головой и пытался проморгаться, фокусируя взгляд на собеседнике. Было сомнительно, что он сможет воспользоваться своими способностями вновь.

– Эй, ты меня слышишь?

– Слышу я. Я ничего не знаю, ничего не помню.

– Так я тебе напомню. – Клайд обхватил лицо Везела за подбородок своей массивной рукой и повернул ее к одному из коридоров. Везел дернулся, глаза его в ужасе распахнулись. Он даже попытался вырваться из рук, но держащий его Джейсон оказался для него непосильными оковами.

– Д-да что вам от меня нужно?! Отпустите меня!

– Избавишься от них, и тогда поговорим.

– Я не знаю как!

– Тогда вспоминай, а иначе мы все тут сдохнем. Эй, Бакуган, кончай там возиться, у нас новый план.

Бакуган посмотрел на Клайда так, что даже удивительно, как тот не взорвался вместо гранат.

– И что мне делать? Снова разделять эту связку? Клайд ненадолго задумался, что-то прикидывая в уме и переводя взгляд с одного коридора на другой.

– Знать бы еще, как далеко эти Тени уходят вглубь.

– Опять придумал какой-то безрассудный план? – усмехнулся Джейсон.

– Эй, Баку, а ты сможет смастерить две связки?

План оказался прост и сложен одновременно, и был рассчитан на чистую удачу. Было много «если» и «возможно». Большинству Охотников и элитных бойцов приказали отойти поближе к выходу, остальным же сдерживать Теней до нового приказа, при этом не рассчитывая на возможность смениться. Оливера и остальных новичков, кроме Везела, тоже, само собой, увели подальше.

Тени и сдерживающие их отряды находились уже, наверно, метрах в десяти-пятнадцати от развилки, в центре которой стоял Везел, поддерживаемый с двух сторон, чтобы не упал или не убежал. Два самых сильных и целых на вид Охотника – Клайд Сдейл и Эскулап Джейсон – взяли в руки по связке светошумовых гранат. Сами по себе они были не тяжелыми, но все вместе теперь весили, наверно, килограммов по пятнадцать. Бакуган смастерил их так, что при взрыве одной, взорвутся и все остальные. На палец надевалась всего одна чека, которую должно было сорвать при броске.

Оливер находился примерно в сотне метрах от происходящего и наблюдал за Везелом. Бандит и бывший заключенный, который до сих пор вел себя вызывающе и безразлично, теперь стоял окруженный двумя вооруженными людьми и дрожал, как перед казнью. Сказать, что Оливеру это не нравилось, – ничего не сказать. Они насильно собираются использовать его силу, и если в первый раз он просто потерял сознание, то что случится во второй, когда прошло так мало времени, а он только очнулся, и то, до сих пор не может прийти в себя?

Оливер понимал, что это необходимо, чтобы выжить, без риска зачастую никак, но ведь можно же просто с ним поговорить и разъяснить ситуацию. Да, в случае с Везелом это будет не так просто, и сам Оли за такое точно бы не взялся, но тут чуть ли не сотня Охотников, неужели среди них нет никого со способностями оратора, не с суперсилами, а обычными, человеческими?

А если так решат использовать и его силу? И Миранды, Сьюзен, даже Мейсона. Оливер так и не узнал, что у того за способность, а вот силу Миранды уже использовали. Хотя в этом случае, похоже, все было добровольно, Эвила не позволила бы ее мучить. А если ее приставили к ней как раз для того, чтобы Миранда прониклась к ней доверием? Если в организации есть профессиональные психологи, им не составит труда проанализировать мозг любого, а потом подправить где что надо.

Эта мысль заставила Оливера поежиться. Он не замечал, чтобы кто-то вот так промывал ему мозги, но «если ты параноик, это ещё не значит, что за тобой не следят». Медленно и аккуратно, бобыры подтачивают дерево, точно зная, куда оно в конечном итоге упадет. Вот только сейчас мешкать нельзя, поэтому на Везела пришлось надавить.

Оглянувшись, Оли видел лишь стоящих за спиной Охотников. Если одержимых вели к выходу, их уже, должно быть, везут в организацию. Сам Оливер этот момент как-то пропустил.

Повернувшись назад, он увидел, как Клайд и Джейсон начали раскручиваться, держа на вытянутых руках связки гранат.

– Как только крикну, – громко сказал стоящий впереди группы Охотник, – закрывайте глаза и уши.

Оливер как-то не сразу сообразил, как можно закрыть и глаза и уши всего двумя руками, потом до него дошло, и он чертыхнулся. Устал. Эта ночь казалось вечной, возможно, на поверхности уже давно светит солнце. Да еще и эта нога ноет, грозясь отвалиться вовсе. Когда Джон говорил, что раны у Хомо Эребус заживают быстрее, он надеялся на что-то большее. Я не супергерой, повторил он вновь себе. Ноге было плевать.

Раскрутившись как следует, Клайд выкрикнул: «Готов!», за ним повторил и Джейсон. «На счет три!» На счет три они с ревом бросили связки гранат прямо в стену Теней, некоторые из которых уже ползали сверху, перебираюсь из одной армии в другую, кто-то даже забрался в нишу слева.

Сами же сдерживающие их Тенеловы ничком бросились на землю, закрывшись руками. На счет три знак подал и впереди стоящий Охотник. Ждать долго не пришлось, буквально через секунду загрохотала канонада взрывов.

Многokrатно отразившись от стен сотнями эхо, они оказались столь громкими, что воткнутые в слуховые каналы пальцы едва ли сильно помогали, а вибрации воздуха заставили сердце замереть. Плотные сжатые веки тоже не смогли спасти от ярчайшего света, пробивающегося сквозь кожу. Что же случилось с теми, кто оказался в эпицентре?

Сверху посыпалась штукатурка, падая за шиворот, где-то ближе к развилке слышались звуки падения чего-то побольше.

Открыв глаза, Оливер увидел фантастическую картину. Ему сначала показалось, что это взрывная волна, однако она давно прошла и вряд ли была видна, тем более распространяясь на огромной скорости. Это было нечто иное. Словно сгущающийся воздух она исходила прямо из Везела, который ныне лежал на земле и бился в припадке. Как только он затих, пропала и волна. Тени медленно, не издавая ни звука, исчезали, словно их и не существовало никогда.

Не успел Оливер высказать свое мнение по поводу случившегося, как толпа побежала к перекрестку, унося с собой и самого парня. Он даже не мог вытащить из ножен меч, так на него наседали со всех сторон. Оглянувшись, он не увидел ни Сьюзен, ни Миранду. Он надеялся, что их не затоптали.

– Расходимся! Расходимся! – кричал кто-то в толпе, возможно, тот же самый, что и приказал всем закрыть глаза и уши.

Все толпа разделилась надвое, бóльшая группа побежала прямо, туда, где в капкане застрял отряд Охотников, которых, вероятно, уже и не было в живых, оставшиеся же свернули направо, в туннель, который так и не успели обследовать до конца. На пути и тех, и других попадались Тени, но их было мало, да и выглядели они оглушенными, из-за чего разделаться с ними не составило труда.

К центру относили раненых и таких же оглушенных взрывом. Особо сильно пострадавших вроде как не наблюдалось. Неподалеку от эпицентра взрыва слетела вся штукатурка, несколько кирпичных стенок рухнуло, придавив несколько человек. От арки над входом в один из коридоров также отвалился кусок, лишь по счастливой случайности не упав на голову Клайду, который, бросив связку гранат, там же и кинулся на землю. Находящихся ближе всех потрепали Тени, исцарапав спины и руки, коими они прикрывали затылки; их спасли рюкзаки на спинах.

Сейчас же и Клайд, и Джейсон, и даже Ирмин сидели на пересечении коридоров, потирая головы, открывая и закрывая рты.

– Что нам делать? – подходя, спросил Оливер.

– А? Чего? – громко переспросил Клайд. – Говори громче, нас оглушило!

– Я говорю: что нам делать-то теперь?

– А-а, – протянул он. – Да что хочешь.

Оливер замолчал. А что ты еще скажешь? От него и правда мало толку.

Он заметил лежащего на земле Везела, лицо которого было белым не только от осыпавшей его штукатурки, возле него сидел Джейсон, приложив руки к голове и груди.

– Как он? – спросил Оли нарочито громко.

– А? Черт, да неважно. Теперь он вряд ли скоро очнется. Его бы того, наверх отправить, в смысле, в больничку.

Второй раз подобную схему повторить не удастся, по крайней мере, в ближайшие несколько часов. Даже если собрать новую связку и бросить ее за спину Теням, чтобы те от вспышки света сгруппировались и подошли поближе, убивать их было некому.

– Все же погорячился я с присвоением ему лучшей способности, – сказали за спиной, отчего Оливер вновь подскочил. Это опять оказался Мейсон. «Он так бесшумно подходит со спины, потому что умеет или потому что я все время отвлекаюсь и не замечаю ничего вокруг?»

– Прекрати вот так подкрадываться! – все же высказал он.

– Мне и моя способность нравится, – словно не слыша Оливера, продолжил Мейсон.

– Ты ее тоже пробудил? И что ты можешь?

– Да я ее еще в прошлый раз пробудил, как ты сказал, когда на тебя и того мужика Тени набросились, просто молчал. – И словно в подтверждении своих слов, он и вправду замолчал. Оливер вздохнул.

– Так что за способность-то?

– А, так, ерунда, – отмахнулся Мейсон. – Просто могу голыми руками забить Тень. С оружием-то оно будет все же сподручней, – усмехнулся он, поводя своей булавой.

Способность, конечно, не ахти, зато может быть полезна в бою. Конечно, избавлять людей от Теней внутри тоже неплохо, но хотелось чего похожего на способности Везела или Миранды, только без последствий. Но хуже всего, бесспорно, досталось Сьюзен. Убивать одержимых касанием вместе с Тенями внутри. А если способность действует не только на одержимых, но и на обычных людей? Держишь ты ее, такой, за руку, а потом – раз, и упал замертво.

Оглянувшись, он едва разглядел ее в толпе. Сьюзен, спящая Миранда, Охотник, держащий ее, Эвила и еще парочка Тенеловов. Все они были живы и, как казалось, здоровы. Не считая Миранды, конечно, впавшую в нарколептический сон.

Вот Охотник поднялся, развернулся и вместе с Эвиллой и еще одним Охотником отправился к лестнице. Они уходили. Вероятно, на этом настояла сама Эвила, а другие просто побоялись с ней спорить. Миранда помешкала, оглянувшись назад, возможно, ища взглядом Оливера, и пошла за ними вслед.

– Вам тоже надо уходить, – раздалось за спиной.

– Клайд?

– Свои способности, как я понял, вы все пробудили, так что вам больше нет смысла здесь оставаться.

– Я еще могу быть полезен, – запротестовал Оливер. – Да, я облажался, когда ушел без спроса, но я хочу исправиться.

Клайд, казалось, задумался.

Оливер не знал, были ли среди тех одержимых его друзья, поэтому намеревался остаться до конца, и в случае чего тут же воспользоваться своими способностями. Везела теперь нет, и Охотникам при встрече с одержимыми придется применить силу, и даже если те регенерируют, мысль о том, что его друзей, которые и так уже натерпелись, будут еще и бить, не давала ему покоя.

Бертон отрывками помнил свою одержимость, и если его друзья тоже запомнят побои со стороны Охотников из организации, как они отреагируют на то, что и сам Оли присоединился к ним? Тема гуманности здесь отходила на второй план, предоставляя главенство эгоистичному желанию помочь друзьям во что бы то ни стало.

– Я тоже остаюсь, – вышел вперед Мейсон. – И хрен вы меня выпроводите, – без лишних эпитетов добавил он.

Клайд все же решил не тратить время на споры. Приставив к ним еще двоих оставшихся целыми Охотников, он позволил им идти, но лишь в правый коридор, где пока все казалось безопасней. Сам он захватил остальных и направился в левый туннель на подмогу. Остальным он приказал пока отдыхать, а как только кто придет в норму, чтобы отправлялся наверх, брал дополнительное снаряжение и возвращался.

Первыми он запряг Джейсона и Ирмина, чтобы те вынесли отсюда Везела.

– А я-то чего? – возмутился Ирмин. – Кто тебя вообще за главного оставил?

– Я сам остался, пока другие мандавошек считали. Тебе глаз выдрали, загноится, башку придется отрезать, так что не спорь. А Джейсону нужно присматривать за Везелом, чтобы тот кони не двинул, а то Камиогава тогда нам сама так двинет.

– Да я и не спорю, – отозвался Эскулап.

На том и перешли. Оливер с Мейсоном уже спешили догнать вторую группу Охотников, когда Клайд, подправив весь порванный и истрепавшийся килт (рюкзак он где-то давно потерял), поспешил к первой.

Бежать пришлось не так уж и долго; Охотники, конечно, спешили, но и об осторожности не забывали. У них на пути то и дело попадались Тени, иногда целыми небольшими кликами, но вдохновленные недавними событиями, рубились Тенеловы на славу, не оставляя ночным созданиям ни шанса.

Когда они бежали, Оли вдруг почувствовал в ноге такую боль, словно в нее вновь вцепилась Тень. Он остановился, сославшись на то, что выдохся сегодня уже бегать, остановились и остальные.

– Бегите, бегите, – махнул он им, – я вас догоню.

Когда показались их спины, он достал из рюкзака таблетки, которые ему на всякий случай вручил врач, наказав быть с ними поосторожней. Всякий случай, как казалось, наступил. Он выпил таблетку, подумал, прислушался к ноющей боли в ноге, добавил еще одну, запив все это маленькой бутылочкой воды.

Когда Оливер и остальные добежали до основной группы, они как раз заканчивали с последней Тенью.

– Эй, а вы чего приперлись? – удивился один из Охотников. Это оказался один из тех, кого в организации называют машинами для убийства. Здоровый как бык, крепкий, с блестящей испариной лысиной, он сжимал в руках большие армейские ножи с серрейтором.

– Клайд отправил, – ответил Тенелов, прибежавший с Оливером и Мейсоном.

– Когда это он успел стать главным?

– У него и спроси.

– А, – отмахнулся он, – делайте, что хотите, только не мешайте. Если что, я не виноват.

Ничего не говоря, все двинулись дальше, держа оружие наготове. Лично Оливер сомневался, что здесь есть что-то интересное, если Тени заседают на первую группу, значит, они пытаются помешать им пройти. Вопрос только в одном: куда?

Здесь же Тени если и попадались, то являли собой разрозненные формирования, словно случайно тут оказавшиеся и попавшие под горячую руку воодушевленных Охотников.

Оливер и Мейсон шли позади группы, хотя второй то и дело норовил проскользнуть вперед, но плотные спины Охотников этого не позволяли, отчего Мейсон то и дело плевался и нетерпеливо разбивал воздух своей булавой.

– Слушай, – обратился к нему Оливер, которому надоело слушать топот пары десятков ног в тишине туннеля, – а Мейсон – это у тебя имя или фамилия? Как тебя полностью-то зовут?

– Мейсон – это фамилия, – ответил тот. – А так я Рутгер.

– Рутгер? – переспросил Оли. Он подумал, что имя это ему очень даже подходит; угловатое, грубое, и обязательно с диким «р», словно рык зверя.

– Да. Мог бы и узнать за все это время.

Если бы Оли плохо знал Мейсона (а так оно и было, но тут дело именно в образе), то решил бы, что тот обиделся.

Он и правда не стремился узнать что-то о Мейсоне или тем более Везеле, а Миранда сама по себе была тихоней, но ведь и сами они не стремились познакомиться поближе. У Охотников, как правило, нет напарников, зато есть приятели, но ведь ими не обязательно становиться только потому, что вы попали в «Тенелов» почти вместе!

Однако сейчас Оливер и Мейсон как раз были кем-то вроде напарников, хотя бы потому, что никого из присутствующих они больше не знали. Оли чувствовал себя несколько неуютно из-за того, что наиболее близкой по духу с ним была именно Сьюзен, девушка, а не такой же, как он, парень. Да, она приятный собеседник, но с девушкой ведь нельзя поговорить о всем том, о чем говорят между собой парни, и вопреки расхожему мнению, это не всегда спорт, машины и эти самые пресловутые девушки.

Из всех Охотников, которых Оливер видел, только Джон был более-менее близок к нему. Он до сих пор гадал, жив ли тот или его давно уже убили? И почему его никто не ищет? После вылазки небольшого отряда, от которого Оливер сбежал, он ни о чем таком более не слышал. Вдруг его держат в какой-нибудь холодной клетке и пытаются, моря голодом? Ему была противна мысль, что организации плевать на своих людей, хотя ради спасения попавшей в ловушку группы, Клайд очень сильно рисковал. Но Клайд еще не организация, и кто знает, какое наказание он понесет за самодеятельность.

Ниша находилась слева туннеля, почти такая же, как и та, что на распутье, за исключением того, что из нее вдруг вылетели Тени, словно черный ураган смерти. И одержимые. С десяток одержимых, грязных, тощих, но нечеловечески сильных.

Возможно, они поджидали жертву, а может, просто мирно пребывали в полусне, как тогда, когда Оливер в первый раз спустился в катакомбы и наткнулся на такое же гнездо.

– Глаза! – заорал кто-то. Оли едва успел прикрыть веки, когда раздался взрыв. От неожиданности он растерялся и не сразу догадался, что кто-то решил воспользоваться светошумовой гранатой, забросив ее в нишу.

Даже сквозь веки пробили лучи, пусть и не причиняя никакого вреда, хотя Оливер до сих пор не до конца избавился от цветных мушек в глаза, когда его ослепили фонарем в подвале, а вот звук... Ниша словно в десять раз усилила взрыв, и пусть Оливер находился не прямо напротив, его все равно оглушило. В ушах зазвенело, как от набата, раздающегося в гудящей голове.

«Сначала ослепило, – подумал он, вновь вспоминая первый визит в катакомбы, – теперь оглушило. Дальше что? Отнимется язык?»

Ему повезло, что он с самого начала вынул из ножен меч, уподобившись остальным. Первая Тень оказалась возле него как будто случайно, словно шла мимо, не замечая никого вокруг. Оливер рубанул, разрезая ее надвое. Вторая оказалась поосмотрительней и едва не вцепилась парню в лицо длинными острыми когтями. Но волновало не это.

– Не убивайте одержимых! – орал он во всю плотку, силясь перекричать звон в ушах. – Не убивайте моих друзей.

Со стороны, наверно, он выглядел нелепо, но сейчас ему было на это плевать. Все смешалось. Голова болела, в глазах двоилось, ноги то и дело старались увести его куда-то в сторону. Вокруг толкались, как в каком-нибудь новомодном клубе, в котором он никогда не бывал, но часто видел по телевизору.

Перед лицом мелькали другие лица, искаженные, кричащие звоном, плюющиеся, залитые кровью. Мелькали черные Тени. Оливер то и дело замахивался на них мечом, но каждый раз на прежнем месте оказывался человек. Может, они и есть Тени?

Что, если Тени – это такие же люди, просто они выглядят иначе, отлично от других? Если так, то они тоже хотят жить наравне со всеми, а мы их убиваем. Но ведь и они убивают, а мы просто равнозначно отвечаем. Это наш мир! А если для них Тени – это мы? Вдруг они ушли куда-то, вернулись, а их мир заняли уродливые монстры с длинными конечностями, использующие для их геноцида блестяще металлы – золото и серебро.

Ведь Джон говорил, что Тени, возможно – только возможно! – появлялись на земле и раньше, еще людей и в помине не было, до их появления оставались миллионы лет. А если они застолбили первыми эту маленькую планетку?

Но вот незадача – они не могут жить без носителя, а люди так им подходят на роль оболочек, все, кроме Хомо Эребус. Эти чудовища убивают их, приходят в их дом, взрывают, колют, режут, изничтожают волнами смерти. Если бездумные монстры в этой истории люди, то кто тогда Тени? Герои-освободители? Но тогда кого они освобождают? Себя?

А как же люди?

Все хотят жить.

Но это не значит, что им позволяют.

Должен остаться кто-то один. И пусть это будет тот, кто считает себя разумным, это справедливо. Для того, чей разум позволяет считать это справедливостью. А если нет – историю пишут победители, зачастую в конце битвы забывая, за что они сражались.

Не может существовать войны, в которой главенствовал бы разум. А справедливость?

Оливер сам не понял, как оказался где-то в стороне. Перед ним вдруг оказался одержимый. Разум или справедливость? Убить и рискнуть всем, чтобы его схватить и спасти? Но это ведь не Джо, не Гек, не Бека.

Оливер пришел за друзьями, какое ему дело до остальных?

Он отбросил эти мысли, как грязные и дырявые носки. Уподобиться организации? Ну уж нет!

Меж тем одержимый прыгнул на него, и парень едва успел отскочить, упав на землю и чуть не напорвшись на собственный меч. Одержимый же, промахнувшись, сбил с ног одного из Охотников, но тут же поднялся и вновь рванув к парню.

Оли вдруг осознал, что все еще лежит на земле, однако не успел подняться на ноги, как одержимый набросился сверху. Он схватил его за шею и придавил к стене, сжимая холодные пальцы. Хватка оказалась железной, в ту же секунду перекрывшая доступ кислорода, меч выпал из ослабших рук. Оливер задыхался, но еще раньше противник мог попросту сломать ему шею, а помочь оказалось некому.

Он потянулся, сию секунду дотянуться до лица одержимого, но руки того оказались длиннее, а поза самого парня крайне неудобной. Обреченно он ухватился за запястья душителя, практически не надеясь, что это поможет ослабить хватку. В глазах, рядом с цветными, заплясали черные точки. Мозг, лишаясь кислорода, отказывался соображать.

Вдруг хватка ослабла. Сначала слегка, потом все сильнее, Оливер сильнее сжал запястья, открыл глаза. Из глотки одержимого, вереща так, что даже звон в ушах не мог заглушить этого крика, вылезала Тень, суча полупрозрачными лапами.

Хватка ослабла полностью, и Оливер завалился на бок, перекатился на четвереньки, едва держась на трясущихся конечностях, и начал с трудом пытаться глотать ставший в миг

слишком плотным воздух. Легкие словно мотор, замерзший на морозе, едва шевелились, стараясь расправиться и впустить кислород. Наконец, воздуху удалось проникнуть внутрь. Оливер вновь повалился на бок, жадно глотая затхлый, но такой живительный кислород.

Битва затихала. Всех Теней перебили, а одержимых, не без труда, скрутили. Наконец, заметили и валяющегося Оливера. К нему подбежали и поставили ноги. Что-то говорили, но он едва мог разобрать слова, в голове все еще гудело, а плоть было больно. Он что-то ответил, но не был уверен, что его поняли.

Посмотрев на того одержимого, что его душил, он указал на него Охотникам. Значит, мне не обязательно касаться лица, между тем подумал Оли. Один из элитных бойцов присел и пощупал пульс, потом поднял голову, что-то сказал и покачал головой. Оливер прочел по губам: «Он мертв»

Но почему он умер? Бертон же просто потерял сознание, да еще и все раны у него пропали почти без следа. А если все зависит от времени пребывания Тени внутри? Джон говорил, что Тень разрушает тело. Но как много нужно времени? Как долго был одержим этот человек? Дольше, чем его друзья? Тогда необходимо вынуть из них Теней как можно скорее, однако вместо этого их увезли в организацию. Оливер решил, что при первой же возможности выскажет Камиогаве все, что думает об организации в целом, и о ней самой в частности.

Оливера подвели к пленникам и сказали, чтобы он извлек из них Теней.

– А почему вы их тоже не отправите в организацию? – спросил он хрипло, при каждом слове глотку терло, словно наждачной бумагой. Откашлявшись и потирая горло, он снял рюкзак, достал бутылку с водой и допил, однако пользы от этого было мало.

Ему ответили, но Оливер мало что услышал.

– Говорите громче, – прохрипел он, – меня оглушило.

– У нас нет на это времени, – громко повторил ему один из Охотников чуть ли не в самое ухо. – Тот одержимый мертв? Ты его убил?

– Я лишь изгнал Тень.

– Я думал, эта та девчонка убивает прикосновением, – подал голос другой Охотник.

– Меня тогда не было, я ничего не видел.

– Не, ну он же спас того детектива, как его там?

– Возможно, – вновь заговорил Оли, прочищая горло, – все зависит от времени одержимости.

Охотники переглянулись и посмотрели на брыкающихся и плюющих пленников. Все они мало отличались от первого, грязные и очень худые, у кого-то на коже вылезли воспаления и даже гнойники, многие лишились зубов, целые же были черными и кровоточили, волосы росли клочками. У двух-трех сломаны руки, но неизвестно, случилось это давно или в этой битве. Трех в пылу схватки убили.

– Свежими они точно не выглядят, – вздохнул Охотник. – Нам все равно нельзя их вот так оставлять, так что мы либо прямо сейчас с ними кончаем, либо ты изгоняешь из них этих демонов, экзорцист хренов, а там посмотрим.

Оливер так и сделал. Теней убивали сразу же, так только изо рта появлялись их верещавшие рожи, пока они еще не могли напасть. Как и предполагали, одержимые умирали сразу же, как только Тень покидала их, а может, они и до этого были мертвы, превращены в марионеток, кукловоды которых управляли ими изнутри.

– Так даже лучше, – обронил один из Охотников и высморкался. Больше он ничего

не сказал.

Среди состава погибло двое, оба обычные солдаты, не Охотники. Два Тенелова и три бойца получили ранения различной тяжести. Убитых решили пока оставить, посадив спиной к стенам, чтобы случайно не наступить; один Охотник и элитный боец остались там же, помогая друг другу обработать раны. На обратном пути, если он будет, погибших необходимо захватить с собой, дабы в дальнейшем похоронить со всеми почестями, как и остальных убитых в этот день.

Побежали дальше. Боль в ноге практически затихла, да и шея не болела, было лишь такое ощущение, словно в глотку захпнули ваты. Таблетки действовали прекрасно.

Впереди бегущий сбавил шаг, и жестом приказал всем остановиться, пытаясь высветить сгущающуюся впереди темень. Так же сделали и остальные.

– Там справа еще одна ниша, – проговорил он шепотом, и если бы не передающие по цепочке его слова, Оли так бы ничего и не услышал.

Говоривший Охотник достал светошумовую гранату и обернулся, показывая, что собирается делать. Оливер сразу смекнул, что попав под раздачу второй раз подряд, ему не миновать глухоты, а потому заранее отвернулся и заткнул пальцами уши, после чего сильно зажмурился.

На сей раз все прошло куда удачней, как для его ушей, так и для глаз. Когда он обернулся, бойцы уже с криком и оружием наголо влетали в темную нишу. Оли вынул пальцы из ушей, однако шума бойни не услышал, лишь тишина.

На всякий случай осторожно он подошел к нише и заглянул за угол, тут же обомлев от увиденного. Он считал, что его теперь ничем не проймешь и не удивишь, но ошибся.

На противоположной от входа стороне в воздухе, метрах в двух над землей, висел круг, что чернее черного. Даже не круг, окружность с неровными краями, которые, словно волны, то и дело сужались и расширялись, будто продуваемые ветром рваные паруса. Полный размер такой окружности составлять около двух метров, а при сужении достигал дыры, в которую едва ли пролезет голова. Вот только вряд ли найдется такой смельчак, кто решится это проверить.

От висящей в воздухе дыры тянуло каким-то замогильными холодом, от которого не спрячешься под слоем толстых дубленок. Ветра не было, но воздух здесь как будто был свежее, но при этом, если принюхаться, слегка тянул серой. Прямо под мрачным окном, на что не сразу обратишь внимание, валялись золотые и серебряные побрякушки. Не очень много, на клад это совсем не тянуло, даже в потраченных патронах из амбисидиана и то металла больше.

– Это Дыра? – раздался в тишине голос, от чего некоторые даже подскочили. Спрашивал Майсон.

– Она самая, черт ее дери.

Снова помолчали.

– Надо вызывать мастеров, – сказал другой Охотник.

– Дальше тупик, – раздался голос за спиной. Вернулись Охотники, которых отправили проверить дальнейший путь туннеля. – Обвалы.

– Возвращаемся.

– Куда?

– Обратно, на перекресток. Мы нашли, что искали, но что надеялись не найти. Золото. – Он пнул одну из побрякушек на земле. – Да будь здесь хоть целая гора этого золота, наши

потери оно не возместит. – И он сплюнул.

Назад бежали без остановки, не отвлекаясь на Теней. Оставленных погибших и раненых бойцов забрали.

На распутье они встретили человек двадцать пять. Одни были ранены, другие выглядели вполне здорово. Как заметил Оливер, все здоровые имели оружие ближнего боя, вроде ножей и кастетов. Рюкзаки сняты, кто-то ел, кто-то пил, другие же поили раненых, не способных самостоятельно утолить жажду.

– Чего это вы?

– Приказано пока здесь побыть на всякий случай. Чего это у вас, раненые?

– Если бы только они, – горько отозвался Охотник.

Из всей толпы выбрали четырех менее потрепанных, им и приказали доставить тела на поверхность. Четырех за тем, что по лестнице в одиночку одного не затащишь.

– Где остальные, еще воюют?

– Да, медленно пробиваются вперед. Некоторые уже успели сгонять до машин и вернуться с патронами, оружием и фонарями. Вы тоже туда пойдете?

– Не все. Сюда надо вызвать бригаду. Мы нашли Дыру.

Собеседник чертыхнулся и сплюнул, как и некоторые другие вокруг.

– А золото, серебро?

– Да там валяется немного, но явно не то, на что мы рассчитывали.

Народ распределили. Большая часть отправилась на подмогу тем, кто оказался в тисках между Тенями. За столько времени, окруженные с обеих сторон, без подкрепления и с ограниченным запасом патронов, Оливер очень сомневался, что там выживет хотя бы один.

Самого его, как и Мейсона, отправили на поверхность. Они не особого-то и сопротивлялся, в отличие от Рутгера, его друга, если где и были, то точно в первой связке одержимых, и чем раньше он до них доберется, тем больше шансов их спасти.

Как оказалось, у него было ранено левое плечо, по которому стекала кровь до самых ладоней, а на голове засела шишка, и это не считая посиневшей и расцарапанной шеи. Боли Оливер не чувствовал, как, в общем-то, и особой усталости, хотя должен бы. Таблетки работали лучше, чем он рассчитывал, даже слишком хорошо, будь ранений побольше, он мог бы умереть от потери крови, и даже не заметить этого.

Несмотря на внутренние ощущения, на улице царил мрак ночи, однако по сравнению с подземельем, здесь было так ярко, аж глаза слезились, а морозный воздух наполнял легкие свежестью.

Оливер сам не заметил, как уже очутился в дороге на пути к зданию организации. Кто-то перевязал ему кровоточащую рану на руке, удивляясь его стойкости. Этот кто-то не знал о его ноге.

Ночь еще не закончилась, но в душе наступило утро. Они решил больше не зарекаться насчет катакомб, если прикажут, ему придется спуститься туда. Если, конечно, он продолжит работать на организацию.

Сейчас его мысли занимали лишь друзья. Пусть только эта Камиогава заикнется, что среди одержимых их не было, он сломает ей нос, и пусть его потом хоть всего изобьют, этого никто не сможет отменить.

Сжимая кулаки и челюсти, Оливер зло подумал, что надо было все же отправиться с той

группой, как ему и предлагали. А если бы с ними пошла Сьюзен и использовала бы на ком-нибудь свою силу? Простил бы он ее за убийство друга, пусть даже случайного? Но этого не произошло, однако успокаивало это мало. Чураться девушки он не хотел, бояться, что она ненароком убьет ее касанием, подобно василиску. Их способности были так похожи, но и так различны, словно скальпель хирурга и нож убийцы.

Путь от родного гетто до родной теперь организации пролетел незаметно. Лезущие в голову мысли работали лучше любой телепортации: вот ты, грязный, потный и окровавленный вылезает из мрачного зева подвала, а вот уже подъезжаешь к уродливому длинному зданию, словно серому улью, упавшему на бок, в котором обитают какие-то неправильные пчелы в черном, и жалящие куда больнее и смертоноснее.

За время поездки Оливер слегка поостыл. Ругаться и топтать ногами больше не хотелось, криками делу не поможешь, особенно если речь идет о Камиогаве, и понять это ему следовало куда раньше. Излишние эмоции – плохой помощник, особенно если их от тебя ждут.

Микроавтобус остановился, и все сразу же оживились. Остановился он не на стоянке, а прямо на подъезде к ней. Оливер выглянул в затемненное окно. Всю парковку заняли одинаковые темные микроавтобусы, из-за чего просто невозможно было проехать дальше. Тут явно были не только те, что приехали от катакомб.

Дверь открылась, и Охотники по одному вышли на улицу, парень немедля последовал за ними. Микроавтобусы стояли кое-как, игнорируя разметку на асфальте, словно парковались женщины у салона красоты. Машин было не меньше, чем когда они уезжали на задание, однако большая часть все еще оставалась в гетто, получается, эти прибыли откуда-то еще.

Оливер видел, как выносят тела и выводят раненых, при этом некоторых он видел впервые.

– Этих точно с нами не было, – сказал Мейсон, очередной раз подобравшись незаметно.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Оли, стараясь делать вид, что не удивлен появлением рядом с собой бритоголового.

– Похоже, они были на другом задании.

И словно в подтверждении слов Мейсона, Оливер разглядел в толпе отдаленно знакомое лицо, но тут же потерял его из виду. Он задумался, припоминая, кто это был. Так бывает, когда бросаешь взгляд на вымощенную камнем дорогу, потом отводишь глаза и вдруг понимаешь, что там валяется центовая монета, ты начинаешь уже нарочно вглядываться, но ничего не находишь.

Оли начал вспоминать всех, с кем из Охотников был знаком.

Грасс? Нет, не он. Афро? Она в больнице, если вообще еще жива.

Он поднял взгляд и теперь уже четко увидел Бертон, заходящего в здание. Он был потрепан не слабее, чем сам Оли.

Джон!

Мысль пришла так резко, что парень аж подпрыгнул. Это был Джон! Его спасли! Вот что это было за другое задание. Но почему ему никто не сказал?

Джона он узнал не сразу, потому что тот мало походил на себя прежнего. Длинные слипшиеся волосы, как будто мокрые, но без бороды, осунувшееся лицо, такое худое, словно он не ел целую вечность. Кажется, кто-то его поддерживал под руки.

Его пытали. Морили голодом. Он был таким же худым, как большинство одержимых, как

его друзья.

Сбросив оцепенение, он направился к входу, ругая себя за то, что не сделал этого раньше. Но его порыв закончился, не успев начаться. В вестибюле находилось полно народу. Лифт был всего один, и чтобы переправиться всем, куда им надобно, требовалось время. Первыми, конечно, шли серьезно раненые, за ними на руках несли тела убитых. Их было так много.

Сьюзен с Мирандой ушли намного раньше, вероятно, сейчас они в лазарете. Как и Везел.

– Эй, Оли, – окликнули его. Он оглянулся. Перед ним стоял Бертон, который, судя по всему, не был серьезно ранен, хотя лицо и покрывали синяки.

– Мистер Бертон!

– Зови меня просто Бертон. Или Леброн.

– Где вы были? Вы спасли Джона? Что с ним?

– Не спеши, не спеши. Все узнаешь. Не знаю, можно ли об этом говорить, хотя не вижу причин, почему бы и нет, давай только отойдем в сторонку.

Они отошли, благо вестибюль отличался размерами. Мейсон увязался за ними, словно свита, Бертон не стал его прогонять, да тот бы и не ушел.

– В общем, пока вы бегали по катакомбам, мы выполняли секретное задание по освобождению Джона. Ну, под нами я подразумеваю Охотников, а я так, пятое колесо.

И Бертон выложил все, что знал и видел, опуская мелкие подробности, вроде своего героического представления перед Шудом и диалогов, как между Джоном и Майлзом. К концу рассказа у лифта осталось лишь пара человек. Оли хотел было рассказать в ответ, что приключилось с ними, и почему он тоже, как выразился частый детектив, оказался пятым колесом, но тут Леброн заметил на полу кровь.

– Эй, да у тебя кровь идет. Что ж ты молчишь? Тебе в лазарет срочно. Пошли, пошли, потом расскажешь свою историю, никуда она не денется. Свою я никогда не забуду.

Оливер не сказал о крови, потому что не знал, что она у него идет. Похоже, швы на ноге разошлись, не сдержал их и гипс из турбокаста. Таблетки работали, и он ничего не чувствовал, даже то, что ногам мокро от залившейся в обувь крови. «Зря я сразу две принял», – подумал он.

По пути вниз Бертон запричитал:

– Как же хочется домой, но меня теперь вряд ли отпустят. Ради моей же безопасности, ага.

– А вас что, кто-то дома ждет? – поинтересовался Оливер.

– Ждет? Ну, может, кот. Еда-то у него, вероятно, кончилась. Если он еще не издох, то ждет, но, скорее, не меня, а чтобы его кто-нибудь покормил.

– А где вы живете?

– Зачем тебе? – удивился Бертон.

– Я все-таки Охотник, пусть еще и неопытный, однако успел побывать не в одной заварушке, сами знаете. Возможно, если меня отправят на улицы, я смогу к вам заглянуть, накормить кота.

Бертон немного помялся, но все же сказал парню свой адрес, а также, где искать запасной ключ. По правде говоря, он даже не знал, что с его квартирой; когда он был там в последний раз, разразилась настоящая бойня. Он лишь узнал, что все его телохранители оказались мертвы, как и большинство нападающих, среди которых были как одержимые, так

и обыкновенные люди.

Весь народ, судя по всему, стянулся вниз, в лазарет. Пол от лифта и до самой подземной больницы был заляпан кровью и грязью, валялась испачканная и изодранная одежда, некоторая вообще насквозь мокрая. Люди в лазарете то и дело ходили туда-сюда, носили капельницы и медикаменты, кто-то бегал в хирургических перчатках, подняв над головой вымытые до стерильности руки.

И откуда только взялись все эти врачи и медсестры? Когда он сам здесь лежал, то видел лишь своего лечащего врача да пару медсестер.

Оливер не успел как следует об этом задуматься, когда его очередной раз окликнули. Это оказался тот самый врач, что накладывал ему гипс. Он глянул на окровавленную штанину с ботинком и покачал головой.

– Так, идем со мной, – сказал он таким тоном, с каким обычно не спорят. Остановив другого врача, он сказал кому-то что-то передать и потащил мальчишку дальше. А именно так чувствовал себя Оливер – нашкодившим мальчишкой.

Они зашли в свободный кабинет, почти идентичный тому, в котором он лежал не так давно.

– Таблетки пил? – Оливер кивнул. – Сколько?

– Две.

– Так и знал, что не надо было давать тебе целую пачку, но я решил, что ты можешь с кем-нибудь поделиться в случае чего.

Оли зарделся. Он и не подумал даже о том, чтобы с кем-то поделиться, просто не подумал, а ведь там были раненые, возможно, кому-то это спасло бы жизнь. Но теперь думать об этом уже поздно.

Врач сделал перевязку. Зашивать заново не имело смысла, потому что разошлись лишь нижние швы, и он их лишь заново стянул, а благодаря таблеткам, Оливер этого почти не почувствовал. Накладывать гипс тоже не стали, долго это, да и бегать в ближайшее время ему все равно никто не позволит. Перевязали и руку, и голову, наложили повязки на несколько других несерьезных ранений, о которых Оли даже и не догадывался.

Под конец он стал похож на мумию. Ходить ему разрешили, но лишь с костылями, пусть боли он не чувствовал, но на ногу наступать все равно нельзя. Грязную и рваную одежду он сменил на больничную. Спорить ему не хотелось, он желал поскорее узнать, что с остальными: Сьюзен, Миранда, Джон, его друзья. Хотелось отправиться ко всем и сразу, но ближе всего оказалась Миранда.

За порогом палаты, помимо самой спящей девушки, как и ожидалось, он встретил Эвилу со Сьюзен.

– Как она? – спросил он.

– Спит, – ответила Сьюзен. – А ты?

– Да так, пара порезов и ушибов, ничего серьезного.

– А костыли?

– А, это так, чтобы швы на ноге не разошлись.

Темы для разговоров как-то кончились. Он не знал, о чем еще спросить, да и вообще, если тут все хорошо, он хотел продолжить свой поход. Однако тему нашла сама Сьюзен:

– Афро пришла в себя.

– Правда? – обрадовался Оливер. – Это здорово.

– Ну как – пришла. Она очнулась, но ее вновь накачали, чтобы спала. Не знаю, так надо.

Я была у нее, – как-то невпопад добавила она. – Врачи говорят, если бы не цепь кусаригамы, обвитая вокруг талии, второй удар задел бы что-то там жизненно важное, а так – свезло, лишь селезенку вырезали.

Значит, все не так плохо. Хотя нет, нужно выразиться иначе: плохо, но не так, как могло бы быть. Способность убивать касанием никуда не делась, вот и сейчас Сьюзен сидела, зажав ладони между коленей, словно боясь ненароком кого-нибудь коснуться.

Никто о подобном не предупреждал. Способности должны были стать чем-то, что помогает бороться с Тенями и спасать людей. Миранда отгоняет ночных монстров от себя, Везел их и вовсе уничтожает, Мейсон может убить их голыми руками, а сам Оливер изгонять их же из одержимых. Так почему же Сьюзен досталась именно эта? Где тут справедливость? Родители девушки умерли совсем недавно, потом Афро, ставшая ей кем-то бóльшим, чем наставником, едва не погибла от рук предателя, а теперь еще и это. Словно она была прокаженной.

Оливер лишь надеялся, что сама она так не думает. Утешать ее не имело смысла; когда слова утешения хоть кому-то помогли? А вот отвлечь – другое дело.

– Кажется, Джона спасли.

– Правда? Я не видела.

– Да я сам лишь мельком его увидел. Похоже, наше задание было не единственным.

– Оно было секретным, – подала голос Эвила, о которой Оливер даже забыл, так она была неприметная в палате с приглушенным светом, словно слилась с тьмой.

– Да, Бертон мне рассказал. Но почему оно было секретным?

– В организации предатели, нельзя было, чтобы кто-то прознал про него. – Голос Эвилы был слегка скрипучим, словно заржавевшим от долгого неиспользования. Она говорила медленно, иногда делая короткие паузы между словами. – Наше же задание было отвлекающим маневром. И заодно проверкой вас пятерых.

Ничего себе проверка, подумал Оливер, столько человек погибло и пострадало. И вызволяющие Джона тоже, судя по всему, сильно пострадали. А все ради чего?

Организации очень важна их пятерка, и Оливер все четче это осознавал, не зная лишь одного – зачем? Из-за способностей? Это точно было не единственной причиной. И этим не грех было воспользоваться.

– Я хочу повидаться с Джоном.

– Тебя к нему не пропустят, – сказала Эвила. – Сейчас его расспрашивает Камиогава и другие главы организации.

– Тогда я хочу увидеть своих друзей, к ним-то мне еще можно, или мне придется ждать, пока они не превратятся в ходячих мертвецов, из-за чего я не смогу их спасти? – Оливер начинал заводиться, и сам понимал это, однако не мог сдержать переполняющих его эмоций.

– Наберись терпения. Завтра будет большое собрание, где все разъяснят, ты сможешь увидеть и Джона, и своих друзей.

– А если я не могу ждать до завтра? Если мои друзья не могут? Возможно, именно эти последние часы станут для них роковыми. Что тогда? Они умрут, но убьют их не Тени, не этот чертов Жнец, а организация! Ты их убьешь, Охотница, ты и тебе подобные! Тогда чем вы лучше Жнеца и Теней?

– Оливер, успокойся! – крикнула Сьюзен.

– Зачем? Сначала мне нельзя было идти искать моих друзей, теперь, когда они так близко, мне нельзя избавить их от Теней! Зачем мы, пятеро, вам понадобились? Что вы

от нас хотите? Вы хотите использовать моих друзей как заложников, чтобы я вам подчинялся? Вы вытащили Везела из тюрьмы, чтобы он был вам благодарен. Якобы спасли мне жизнь, чтобы и я не смог отказаться, а после того, как я сбежал и направился на поиски друзей, вы поняли, что я не столь покладист, поэтому и захватили моих друзей, возможно даже, что именно вы и натравили на нас Теней! А родители Сьюзен? Действительно ли это был несчастный случай?

Вдруг Сьюзен резко поднялась со своего стула, очень быстро подошла к нему и залепила пощечину, аж воздух зазвенел, или это в ушах.

В ее глазах стояли слезы. Оливер так вышел из себя, что потерялся в собственных мыслях, забыл, где явь, а где им же выдуманные фантазии, дикие теории и параноидальные гипотезы. Правдивы ли они? С тем же успехом он мог обвинить «Тенелов» в убийстве его матери десять лет назад и спаивании отца. Несмотря на это, отныне доверять полностью организации он не собирался никогда.

Но в чем провинилась девушка? Сьюзен такая же заложница обстоятельств, как и он. Смерть ее родителей – величайшее горе в ее судьбе, незаживающая рана, которую, в пылу пагубных эмоций, он густо посыпал солью.

Ответить Оливеру было нечем. Он молча развернулся и вышел вон, лишь за порогом вспомнив о костылях. Отправился он не в палату, как должен был, а к себе в комнату. И пусть только кто-нибудь попробует меня остановить... Но его никто не остановил и не окликнул; все были заняты более важными делами, чем его мелочные домыслы, основанные лишь на юношеских запальчивости и мнительности.

Если ты не параноик, это ещё не значит, что за тобой не следят.

Глава 3: Мрачный Жнец

Смерть приходит к каждому, и лишь глупцы встречают ее с распростертыми объятиями.

Именно такие мысли посещали молодого священника из Германии по имени Вольфганг Зельвейзер. Несмотря на то, что католики должны верить в жизнь после смерти, лучшую жизнь, чем на Земле, Вольфганг почему-то совсем не хотел умирать, боясь даже самой мысли о смерти. Он каждый день неистового молил Бога дать ему сил, чтобы бороться с этим страхом, но ответа не получал.

После обучения в семинарии, он совсем не представлял, что делать дальше. Остаться дьяконом ему не хотелось, он стремился к чему-то большему, быть на высоте, главенствовать, чтобы с его мнением считались, а советы воспринимались как побуждение к действию. Да, мысли для служителя католической церкви несколько грешные, но Вольфганг всячески отказывался верить, что другие не имеют похожих желаний.

Он очень долго учился, чтобы знать всю подноготную церкви и вообще религии, и потому мышление его отличалось от остальных: он был пастором, пастухом, а остальные всего лишь паства, стадо овец. Подобное отношение можно было бы считать безнравственным, если бы оно не было прописано в Священном писании.

Будучи немцем, Вольфганг стремился к постоянному идеализму, он хотел стать выше, лучше, излучать уверенность и надеяться, что на него будут равняться, и очень не любил, когда подобное происходило с другими. В Германии основной религией был католицизм, хотя хватало и протестантов, которых Вольфганг не переносил на дух. «Ленивые христиане», – называл он их пренебрежительно. Особенно он ненавидел баптистов, с этими их плясками и пениями. Цирк.

В Германии протестантов было примерно столько же, сколько и католиков, а вот в США наблюдался явный перевес в сторону «циркачей». Различных церквей у них было столько, что становилось сомнительно, действительно ли они преданы религии или просто пытаются перещеголять друг друга в более идиотском названии церкви. Все они больше походили на секты.

И самое ужасное из всего этого – это считалось нормой.

А тут еще неожиданно узаконили бордели с продажными девками. Религиозный мир ответил незамедлительно, что заставило священника ликовать: еще не все потеряно. Но радоваться слишком рано – плохая примета. Высказавшись категорически против, католики и представители других конфессий, побузили еще пару месяцев и, не найдя особой поддержки, смирились с фактом развращения общества.

Как только Вольфганга рукоположили в сан пресвитера, он тут же рванул в утопающую в ереси Америку. Но поехал он туда не только потому, что хотел наставить всех на путь истинный, но и по более эгоистичным мотивам. Если где-то очень много протестантов, а он будет их всю поносить, – его точно заметят. Остаться простым священником надолго он не собирался, надеясь в скором времени получить сан епископа, вот тогда его точно признают все, а там... Слишком мало среди римских пап было немцев, а вот итальяшек целый ворох, каждый третий, и это не считая римлян.

Вольфгангу понадобилось около месяца, чтобы его невзлюбили все, кто о нем слышал. Ярый противник протестантства, он то и дело обзывал их еретиками, атеистами, противниками Христа и Бога, сектантами и ально сатанистами. Даже американские

католики, поначалу довольно тепло его принявшие, начали неодобрительно на него поглядывать, прося уняться. «Уняться? – гневно отвечал он. – Да если все так оставить, лет через десять все люди будут лишь носить крестик на шее раз в неделю, и считать, что этого достаточно, чтобы тебя считали истинным верующим. Я не для этого проучился полжизни!»

Но его не слушали. Конечно, у него были и немногочисленные сторонники, но с каждым его выступлением их становилось все меньше. Мечты о сане архиерея рассыпались на глазах, не говоря уже про архиепископа. Слово «консерватизм» стало оскорбительным, а традиционные доктрины превратились в свод пожеланий, которые соблюдать не обязательно, а если очень хочется, можно вообще создать новую церковь с любыми правилами, какими захочешь. И это тоже все считали нормальным и богоугодным.

В тот день Вольфганг Зельвейзер молился в своей аскетически обставленной келье при соборе. Молился неистово, стоя коленями на жестком полу и сжимая ладони так, что побелели костяшки пальцев рук. Он читал молитвы на немецком и английском, на латыни и греческом, в надежде, что Бог его услышит и подаст знак, укажет дальнейший путь. Он считал себя единственным верным, а раз так, Господь просто обязан откликнуться на его молитвы, либо сейчас, либо никогда.

Сначала почувствовался легкий толчок, словно кто-то грохнул дверью, и вибрации прошли по полу. Вольфганг не обратил на это внимания: молитву ничто не должно прерывать, особенно если она читается в келье. Однако вторая тряска оказалась чуть значительней, и священник все же был вынужден прервать свое моление.

Он прислушался. В соборе кто-то бегал и что-то кричал. Вольфганг, подобрав полы сутаны, вышел наружу.

– Что случилось? – спросил он у пробегающего мимо клирика.

– Отец Зельвейзер! Землетрясение! Все бегут в бункер под собором, поторопитесь! – и он убежал, даже не дождавшись ответа.

Землетрясение? В Нью-Йорке? И это в час молитвы о знаке свыше? Вольфганга переполняли эмоции. Если Бог услышал его молитвы, то это и есть тот самый знак, иначе быть не может.

Вместо подвального бункера, он уверенными шагами направился к выходу. И тут снова тряхануло. Посыпалась штукатурка, светильники, свисающие с огромного купольного потолка, закачались, лавочки задвигались, скребя по полу. Пресвитер заторопился; Бог ждать не привык.

Выбежав на улицу, он увидел бегающих людей, гудящие возле собора автомобили, некоторые из которых столкнулись, перекрыв проезд, настоящий кошмар. Он выбежал почти на самую середину дороги, остановился и оглянулся на собор, такой большой, но при этом невероятно крохотный на фоне серых многоэтажек вокруг, однако превосходящий их все по своему неподражаемому великолепию.

И тут земля сотряслась снова, да так сильно, что Вольфганг не удержался на ногах и упал прямо на стоящее за спиной в аварии желтое такси, ударившись затылком о крыло. В глазах тут же залетали точки, бесконечно черные, как его сутана, и вместе с ними вспыхивающие яркими красками блики, а дальше начался суший ад.

В глазах двоилось, и Вольфганг с трудом осознавал происходящее. В ушах стоял натуральный грохот, словно это звучат трубы всадников Апокалипсиса, а может, так оно и было. Люди падали и кричали, иногда казалось, что орут они прямо в уши, а иногда, что

они очень далеко. Что-то разбивалось и падало, земля под пресвитером бугрилась и разламывалась неровными паутинами трещин. Он увидел, как одна из машин провалилась под изрыгающую пар или дым землю, не иначе в ад, ведь это настоящий Апокалипсис. Однако Вольфганг сомневался в том, что заслуживает рая, ведь свою миссию он не завершил, но старания ему точно зачтутся. Однако, несмотря на это, он безумно боялся умереть, даже во имя Христа, чье второе пришествие он сейчас наблюдает.

Он поднял взгляд к небу, но вместо него увидел падающий на него шпиль собора. «Я не хочу», – подумал он перед тем, как его окутала тьма.

Вольфганг очнулся в отделении реанимации. Белый потолок, белые стены, что-то плачет и жужжит, заверяя, что это не рай, слышен топот ног и пульсирующая в голове кровь. При попытке подняться, ничего не получается, лишь чувствуется боль, словно все тело раздавило под прессом. Либо это больница, либо ад.

[Купить полную версию книги](#)